

**АЛЕКСЕЙ
СУКОНКИН**

ПЕРЕВОДЧИК

Алексей Суконкин
Переводчик

«Алексей Суконкин»

2006

Суконкин А. С.

Переводчик / А. С. Суконкин — «Алексей Суконкин», 2006

Книга – откровенная исповедь о войне, повествующая о том, как война ломает человека, как изменяет его мировоззрение и характер, о том, как человек противостоит страхам, лишениям и боли. Главный герой книги – Олег Нартов – выпускник МГИМО, волею судьбы оказавшийся в качестве переводчика в отряде специального назначения Главного Разведывательного Управления. Отряд ведёт жестокую борьбу с международным терроризмом в Чеченской Республике и Олегу Нартову приходится по-новому осмыслить свою жизнь: вживаться во все кошмары, из которых состоит война, убивать врага, получать ранения, приобретать и терять друзей, а кроме всего прочего – встретить свою любовь. В завершении повествования главный герой принимает участие в специальной операции, в которой он играет ключевую роль. Книга основана на реальных событиях, а персонажи списаны с реальных людей.

© Суконкин А. С., 2006

© Алексей Суконкин, 2006

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	30
Глава третья	67
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Алексей Суконкин

Переводчик

* * *

*Если ты настоящий патриот своей родины,
Ты будешь убивать своего врага везде, где только встретишь,
Ибо выживший враг завяжет новую войну
И рано или поздно найдет способ убить тебя и твой народ.*
А. В. Суворов

Глава первая

Как гром среди ясного неба из штаба военного округа пришел приказ сформировать на базе госпиталя специализированный медицинский отряд. Размеренная жизнь закончилась, и началась суета, свойственная большим военным сборам.

Срочно паковались все необходимые инструменты и оборудование. В спешном порядке медицинский персонал получал положенные по штату предметы снаряжения и обмундирования. В парке госпитальной базы снимались с хранения автомобили.

Майора медицинской службы Игоря Янина назначили начальником формируемого медицинского отряда. Предполагалось, что в Чечне медицинский отряд будет оказывать специализированную помощь в виде хирургического усиления Моздокского военного госпиталя.

Света, тоже врач-хирург, которая не собиралась никуда ехать, помогала тем, кто вызвался добровольцем в командировку. Игорь с воспаленными от недосыпа глазами, устало, но в тоже время и радостно, в который раз говорил своей жене:

– Хоть на квартиру заработаю. Когда еще такой момент подвернется? Там платить хорошо будут...

– Боюсь я, – говорила Света. – А вдруг тебя убьют?

– Мы же не на самой передовой будем, – весело отмахивался Игорь. – Мы в тылу. В госпиталях... ты же сама слышала, что нам говорят: работать будем строго по своей специальности...

Тревожные вести приносило радио и телевидение. По всему чувствовалось, что новая война с Чечней была не за горами. В Дагестане шли тяжелые, кровопролитные бои. По стране упорно нагнеталась военная истерия, и дома Света иногда уже боялась включать телевизор: то покажут, как высотные многоквартирные здания взрываются, то, как боевик голову заложнику режет. Складывалось ощущение, что этими телепередачами население страны специально готовили к войне, – чтобы потом можно было ввести войска в Чечню, и все считали бы это нормальным, не как в первую войну...

Бригада специального назначения, дислоцированная рядом с госпиталем, уже воевала в первую войну, и тогда погибло несколько разведчиков. Но то – уже история, и смотришь на неё совсем не так как на предполагаемые события, которые реально могут произойти с тобой. Портреты погибших висели на территории части и воспринимались те портреты так же, как портреты погибших в Афганистане. Духовной связи с теми бойцами Света не чувствовала, тем более что погибших парней знать живыми ей не довелось. И похороны видеть, тоже не довелось.

Но сейчас казалось, что война стучалась в твой дом, и чувствовалась как реальность, хоть и далекая. Все-таки родной человек уезжал на войну.

Командировка планировалась на три месяца, по-другому – на тринадцать недель. Или девяносто суток. Ехать в Чечню предстояло вместе с отдельным отрядом бригады специального назначения.

– Я тебя люблю, – Света прижалась к мужу.

Они лежали в постели, обняв друг друга. Тускло горела бра. Глухо о чем-то говорил телевизор. Какое-то противное чувство разъедало сознание. Растекалось по всему телу неприятным жаром. Так бывает, когда знаешь, что скоро кто-то покинет тебя надолго... и не хотелось думать, что возможно – навсегда...

– Я не хочу, чтобы ты уезжал. Может, откажешься? – Света говорила тихо, зная какой будет ответ мужа.

– Ну, как я откажусь? – отозвался Игорь. – Со мной едут не только наши врачи, но и две женщины – медсёстры, и вдруг я не поеду!? Они поедут, а я – нет? Да меня весь госпиталь засмеёт!

– Ну и пусть засмеёт. Зато будешь живым и здоровым, – резонно, чисто по-женски, заметила Света.

– А как же разведчики из бригады? Как наши мужики? Если они все откажутся ехать, кто тогда будет воевать?

– Пусть воюют другие, кому это нравится...

– Это нравится боевикам. Вот они и воюют. Но ведь должен кто-то задавить их. Задушить эту скверну, пока она не перекинулась на всю Россию.

– Почему обязательно мы? Что, там нет других таких частей, других госпиталей? Ведь мы так далеко от этой Чечни! На другом конце страны!

– Такие есть. Есть и другие. Но мне видится, что воевать должны настоящие солдаты, а не те, что подметают плац и моют в казарме полы, а за всю службу не видят ни разу автомат.

– Наши разведчики видят. И стреляют. Сама видела. И с парашютом прыгают.

– Вот потому разведчики и едут. А мы с ними. Лечить их если что... кто, если не мы?

– Давай спать. Завтра суeta опять... – Света потянулась в постели.

Она еще долго лежала и думала о предстоящем расставании. Уснула только под утро...

После построения Света подошла к подполковнику Астапову – начальнику госпиталя.

– Вадим Иванович! – Света на мгновение замешкалась, не зная как правильно построить разговор.

– Слушаю, Светлана Юрьевна.

– Вадим Иванович, вы можете приказать моему мужу не ехать в командировку? – Света поняла, что получилось слишком откровенно, и покраснела.

– Могу, – усмехнулся Астапов.

– Прикажите! – загорелась Света. – Прошу вас...

– Янин! – крикнул громко Астапов, и когда Игорь подошел, сказал ему: – Товарищ майор, я приказываю вам не ехать в Чечню.

Игорь понял, что это исходило от жены, и несколько мгновений глупо смотрел то на подполковника, то на Свету.

Глаза Светы загорелись видимым торжеством.

– Не понял? – наконец отозвался Янин, озадаченно глядя на своего начальника.

– Чего не понятно? – усмехнулся Астапов, – Светлана Юрьевна боится вас, товарищ майор, отпускать. Вот я вам и приказываю остаться здесь.

– А кто тогда поедет? – спросил Игорь Астапова.

– А кто тогда поедет? – спросил Астапов Свету.

– Я не знаю... – растерялась Света.

– Да... – протянул Астапов. – Кто же там вместо нас работать будет?

Света поняла всю неловкость своего положения и опустила глаза. Астапов усмехнулся, и пошел по своим делам. Игорь посмотрел на Свету:

– Ну, зачем ты так?

– Я не хочу, чтобы ты уезжал. Прости, что так получилось.

– Сейчас Астапов будет думать, что это я тебя подговорил.

– Прости.

Света обняла Игоря и уткнулась ему в грудь. Проходящие мимо люди смотрели на них и улыбались.

Весь день прошел в заботах. Только к вечеру, после того, как под завязку загрузили имуществом автоперевозочную, Света почувствовала, что голодна. Дома ничего не было приго-

товлено, и она предложила Игорю сходить в местную забегаловку, стоявшую возле части и получавшую свой основной доход только в дни полочки.

Там уже находилось несколько офицеров бригады спецназа, которые своим кругом пили водку. Света некоторых знала, ведь жили в одной общаге, и поздоровалась. Игорь усадил Свету за столик и подошел к офицерам. Те начали его угощать водкой, но Игорь неуловимым кивком головы указал на Свету, и отказался.

Принесли гарнир, пару салатов и чай.

– Может, выпьем? – Спросил Игорь и указал на пример разведчиков.

– Я устала. Не хочу. – Света начала работать вилкой и ножом. – Выпей, если сильно хочешь...

Разговор за ужином не клеился. Тяжесть предстоящей разлуки давила на нервы, но заговорить так никто и не решился. И так все было предельно ясно.

За соседним столиком командир группы спецназа старший лейтенант Дима Лунин спяну, что-то рассказывая, махнул рукой и свалился со стула, чем вызвал смех собутыльников. Он поднялся, отряхнулся и, повернувшись к единственной присутствующей в забегаловке даме, извинился. Света кивнула. Пару недель назад Дима, прыгая с парашютом, подвернул ногу и своим ходом еле прихромал в госпиталь. Пока Света накладывала ему тугую повязку, он смешил ее анекдотами, подтверждавшими приклеившееся к нему прозвище «поручик Ржевский». Сейчас он рассказывал своим друзьям какую-то историю, от которой все хохотали.

Но желания послушать его не было.

– Астапов сказал, что отправка перенесена на два дня раньше, – вдруг сказал Игорь.

Это была новость. Света подняла на него глаза.

– Получается, завтра?

– Получается так, – хмуро кивнул Игорь.

– Почему?

– Чтобы не было эксцессов.

– Каких?

– В девяносто пятом году подразделения бригады спецназа долго не могли выехать из части, потому что матери солдат перекрыли дорогу. Сейчас им сообщено, что вылет отряда в конце недели...

– Они приедут сюда к пятнице...

– Да. Когда уже все уедут. И никаких осложнений...

Помолчали.

– Утром? – спросила Света.

– В десять утра построение, смотр, и по машинам на аэродром.

– Я тебя не увижу три месяца. Я ночей спать не буду. Я уже сейчас не нахожу себе места.

Прости, что я так обратилась к Астапову.

– Света... – Игорь привлек ее к себе и поцеловал в губы. – Я тебя люблю.

– И я тебя люблю.

Они встали из-за стола и направились к выходу.

Дома уже все было собрано и упаковано в большую спортивную сумку и рюкзак. Зимние вещи были скручены и перевязаны парашютной стропой. Все это было свалено в прихожей и мешало ходить.

– Не унывай, – Игорь подмигнул Свете. – Всё, что не делается – всё к лучшему.

– Если бы... – грустно усмехнулась Света. – Я не хочу, что бы ты ехал в эту чертову Чечню!

Света сказала это отдельно, буквально по слогам. Сказала и почувствовала, как по щеке покатилась слеза.

Игорь вытер жене слезы, и хотел сказать что-нибудь ободряющее, но не нашелся и вместе со Светой сел на кровать.

– Я буду ждать тебя, – всхлипнула Света. – Я каждый день буду смотреть в окно на ворота части. Я... я люблю тебя, милый.

– Да не переживай ты так! Все будет хорошо. Ты меня слышишь? Все будет хорошо!

– Какое там! – отмахнулась Света. – Оттуда все возвращаются повернутыми... ты и сам это знаешь...

– Я же тебе сказал, что буду сидеть в госпитале, мне в атаки ходить не надо... и прекрати реветь! Ты что, маленькая совсем?

– Да, я маленькая. Я не хочу отпускать тебя...

– Прекрати. Слышишь, Света, прекрати! Ты у меня сейчас слезу выдавишь. И так тяжело на душе. Прекрати, я сказал! Будь сильной женщиной!

– Я не хочу быть сильной! Я хочу быть с тобой.

Игорь поцеловал жену в губы и почувствовал, как сам сейчас разрыдается от осознания предстоящей разлуки и возможных трагических перемен. Наивность любимой иногда его поражала. Но Света была любящей женщиной и очень сильно переживала за своего мужа. Она всеми возможными способами выражала свою любовь и нежелание отпускать мужа туда, где его запросто могли убить.

– Прости меня, Света.

– За что?

– Так, прости за все. Может, обидел когда...

– Ты так не говори! Слышишь? Ты не говори так, как будто умирать собрался. Я не хочу слышать от тебя такие речи! Ты вернешься живым и здоровым! Понял?

– Слушаюсь! – Игорь усмехнулся.

– Ты не смейся! Нашел время смеяться! Лучше подумай, как я тебя здесь ждать буду! Да я изведусь на нервы вся!!!

– Ну не переживай. Все будет хорошо! Ты меня слышишь? Все будет хорошо!

Игорь это уже говорил Свете весь вечер, но повторял снова и снова. А она делала вид, что не слышала это раньше и кивала, пытаясь поверить в это.

Утром началась отправка. Тяжело груженные «Уралы» стройным маршем двинулись на аэродром военно-транспортной авиации. Жёны, дети и близкие провожали убывающих только до ворот гарнизонного городка. «Прощание славянки», слезы, просьбы вернуться живыми и зычные голоса командиров. Суeta длилась не долго. Света прижалась к мужу и плакала.

– Да не реви ты! – говорил Игорь, хотя и сам чувствовал, что вот-вот и сам расплачется от вида рыдающей жены.

Света вытирала слезы, но они снова и снова лились из красных, не выспавшихся глаз.

Колонна ушла, оставляя после себя только тишину, дорожную пыль и выхлоп двигателей.

Света повернулась и пошла в госпиталь.

Пустое хирургическое отделение встретило Свету неприветливо и хмуро. Не хватало самого главного, что всегда радовало Свету: любимого Игоря...

После обеда в госпиталь пришел Дима Лунин. Он поздоровался со Светой и указал на свою ногу:

– Сегодня опять подвернул, вот теперь наступать больно.

– А я думала, что ты уехал, – сказала Света.

Она разбинтовала ногу и покачала головой. Лунин не жалел ни себя, ни свою ногу.

– Меня оставили на месяц. Через месяц еще один самолет полетит на Кавказ. Повезет то, что там нужно будет из того, чего не взяли.

– Я тогда Игорю своему что-нибудь передам. Отвезешь?

Дима кивнул.

– Ну и ладненько.

– А ногу тебе надо беречь.

– Согласен. Только как ее беречь, если у меня служба такая...

В это время в кабинет врача, прихрамывая, вошел среднего роста, щуплый молодой лейтенант в новенькой форме. Смущенно улыбнувшись, он спросил:

– А кто может мне оказать медицинскую помощь?

– А ты кто такой? – повернулся к нему Лунин. – Чего-то я тебя не знаю.

– Лейтенант Нартов. С сегодняшнего дня я зачислен в бригаду переводчиком, – представился молодой.

– Что у вас? – спросила Света, выглянув из-за спины Лунина. – Показывайте!

– Я ногу, кажется, растянул. Ходить, вот, больно, – Олег присел на край кушетки и принялся снимать ботинок. – Искал в части медпункт, но мне сказали, что сейчас он временно не работает, по причине отбытия его начальника в Чечню...

Света осмотрела опухшую ногу и покачала головой.

– Вы все с цепи сорвались, что ли?

Лейтенант шутки не понял, а Дима улыбнулся. Лунин протянул руку и представился:

– Дмитрий.

Нартов сделал ответный жест:

– Олег.

Света наложила тугую повязку и строго-настрого приказала не давать на ногу больших нагрузок.

– Здесь врачи умеют только повязки накладывать! – подмигнул Дима и рассмеялся.

– Могу еще зеленкой намазать, – парировала Света. – Язык. Тогда хоть молчать будешь...

Когда Лунин и Нартов вышли из госпиталя и направились в свою часть, Дима спросил Олега:

– Что закончил?

– МГИМО. Востоковедение.

– Ого! Да ты будущий дипломат!

– Не исключено, – усмехнулся Олег.

– Какой язык изучал?

– Арабский и английский.

– Сложно?

– При желании можно выучить все, что угодно.

– Где устроился?

– Пока еще нигде.

– Значит, в общагу устроят. Вечером будем обмывать новоселье.

– Ну, вещи в общагу я уже отнес.

– Значит, туда и устроили. Как бригада тебе?

– Пока не знаю. Еще не освоился. Но ногу уже успел свернуть. На крыльце штаба поскользнулся...

– Бывает, – протянул Дима и махнул рукой: – До встречи! Если что, спрашивай старшего лейтенанта Лунина. Это я.

Нартов вошел в штаб, где его направили к заместителю командира отдельного отряда майору Сереброву для представления. Майор сидел в своем кабинете и раскладывал по коробкам топографические карты. Олег застыл на пороге и громко представился:

– Лейтенант Нартов. Прибыл для прохождения службы. Назначен старшим переводчиком отряда.

– Звать как? – спросил Серебров, снимая со стола стопку карт.

– Олег.

– Помоги мне, Олег.

– Конечно.

Олег с готовностью подошел к столу и вместе с майором начал укладывать карты в коробки. Это были карты Чечни. Серебров уловил удивленный взгляд Олега и сказал:

– Через три-четыре недели поедем в Чечню, заберем с собой эти карты. Они хоть и старые, но все равно пригодятся... какой, говоришь, язык изучал?

Олег ему еще не говорил про изученные языки, но ответил:

– Арабский как базовый, и английский дополнительно.

– Самое то! В Чечню не побоишься ехать?

– Нет, – Олег пожал плечами. Он не знал, боится он туда ехать, или нет. Просто еще не думал об этом. Не довелось.

– Где устроился?

– В общежитии.

– Вопросы или проблемы есть?

– Пока нет.

– Тогда я прикреплю тебя к опытному офицеру, который будет вводить тебя в курс дела. Кому же тебя отдать? Майор закатил к потолку глаза: – Знаю. Отдам тебя Лунину. По моему мнению – лучший офицер в бригаде, даром, что пьет очень много и всегда с начальством не в ладах. Но мужик отличный. Он все тебе расскажет и покажет.

– Я его уже знаю, – сказал Олег. – Только что шел с ним по дороге из госпиталя.

– Если уже знаешь, это еще лучше. А в госпитале что делал?

– Ногу подвернул на крыльце штаба. Пришлось возвращаться.

– Плохая примета. В приметы веришь?

– Нет.

– Ну и нормально.

Серебров вызвал посыльного по штабу и приказал ему немедленно найти Лунина. Вскоре Лунин явился в штаб.

– Вводи лейтенанта в курс дела! – коротко сказал Серебров. – Через неделю он уже должен знать, куда попал служить, и что его ждет в Чечне. Ясно?

– Ясно, сделаем, – пожал плечами Дима, и кивнул Олегу: – Пошли.

Они вышли из здания штаба, и Лунин напрямик пошел к КПП части. Олег еле поспевал за ним.

– Деньги есть? – на ходу спросил Дима.

– Есть немного, – отозвался Олег.

Они прошли КПП, и зашли в забегаловку.

– Бери пару пузырей и пошли знакомиться. Разрешаю взять закуску.

Через десять минут они уже сидели у Олега в комнате общежития. Олег достал из пакета пару пластиковых стаканчиков, кусок копченой колбасы и водку. Открыл одну бутылку и разлил по полстаканчика. Дима недовольно покачал головой, но ничего не сказал.

– За что пьем? – спросил Олег, поднимая свой стакан.

– За знакомство, – усмехнулся Дима.

Выпили залпом и накупились на колбасу. Олег почувствовал, как водка горячим комом разливается по его внутренностям и как кровь начинает бить в голову мощными толчками. За всю свою двадцатидвухлетнюю жизнь Олег пил водку всего раз десять, и то понемногу. Здесь попойка намечалась для него не слабая, а потому он решил больше закусывать.

– Я сейчас.

Олег встал и, открыв шкаф, достал оттуда пару упаковок корейской лапши «Доширак». Потом Олег включил чайник и когда обернулся, водка уже была разлита заново. На этот раз стаканчики были уже полные.

– Нечего мелочиться! – авторитетно пояснил Дима.

Олег вдруг подумал, что Лунин под предлогом знакомства, просто решил напиться. Недаром Серебров сказал, что Лунин много пьет.

Когда выпили и это, Олег спросил:

– Ты в бригаде давно служишь?

– Четыре года. А вообще в спецназе я уже десять лет – два года на «срочке» в Афгане в Асадобадском отряде у Гриши Кунарского, Ключкова и Гилуча, потом два года балду пинал, затем поступил в РКПУ, и четыре года проучился на факультете спецразведки, ну и здесь уже четыре, – отозвался Дима и, усмехнувшись, добавил: – мои сверстники уже майорами давно ходят, а я все капитана получить не могу – залеты не позволяют. То напьюсь не вовремя, то бойцу или командиру какому-нибудь морду набью, да разное... Короче я просто хулиган. Старлея мне дали через три месяца после того, как присвоили лейтенанта. Я тогда в Чечне работал, а там звания быстро растут. Потом Чечня закончилась, и про меня забыли. Сейчас новая война началась, авось все же стану генералом... наливай давай.

Олег разлил по стаканчикам остатки и открыл новую бутылку. Но из новой наливать не стал, а Дима уже не настаивал. Как раз поспела лапша, и Олег выставил ее на стол.

– Страшно было на войне? – спросил Олег.

Вместо ответа Дима пожал плечами, выпил водку и только после трех закусовых ложек лапши, пояснил:

– В Афгане было проще, там организация войск была выше, не то, что в Чечне творилось. Вот в Чечне местами мне было по-настоящему страшно. Скоро сам там окажешься и узнаешь.

– Ну а все-таки? – допытывался Олег, чувствуя, как алкоголь уже заполнил его сознание, и уходят, уходят границы дозволенного... – Как там, на войне?

– Бывает иногда весело...

– Убивал?

Дима Лунин поднял на Олега глаза и несколько мгновений молча с каким-то потусторонним взглядом, смотрел на Олега. Потом он выдохнул, и сказал:

– Никогда и никому не задавай этот вопрос.

Олег осекся. Ему казалось, что этот вопрос вполне безобидный и вдруг на тебе – такая реакция.

– Хорошо, не буду, – кивнул, пьяно, он.

– Девку себе здесь нашел? – спросил Дима, наливая по стаканам водку.

– У меня невеста есть. Оля. Она в Москве меня ждет.

– Так ты москвич...

– Да, разве это плохо?

– Сдается мне, что москвичи разбалованы слишком, разнежены. Вам есть что терять, а потому плохие из вас получают солдаты...

– Так я и не солдат.

– И то верно, но телка под боком всегда нужна, даже при наличии невесты, – философски заметил Дима, резко вернув назад тему разговора. – Снимать напряжение учебно-боевых будней.

– Я люблю свою Олю и не хочу никого, кроме неё. – Олег уже очень хорошо чувствовал, как заплетается у него язык.

– Это пройдет. Я раньше тоже так думал. А пока я воевал в Чечне, моя любимая женушка тут кувыркалась со всем гарнизоном. Приехал домой, а там бедлам: замполит соседнего отряда

с моей благоверной в постели фортеля выписывают. Я там ходил по трупам, спал в мокрой воронке от авиабомбы, не жрал по трое суток, каждую прожитую минуту считал подарком судьбы, а она здесь все это время развлекалась, сука. Ну, я им обоим и выписал... теперь, вот, капитана получить не могу. Разве я должен кому-то хранить верность, если мне так изменяют? Вот ответь мне?

– Нет, – выдавил Олег из себя, хотя в подобных вопросах до конца еще не мог с уверенностью говорить. Ему еще просто не хватало жизненного опыта...

– Вот и я говорю, что нет. Давай выпьем за мужскую дружбу.

Чокнулись. Выпили. Олегу пить больше уже не хотелось, но он и не хотел расстраивать Лунина. К тому же вдруг страшно захотелось спать. Глаза закрывались, и он начал кивать головой.

– Еще? – спросил Дима.

Если уже можно было выбирать, то Олег тут же помотал головой.

– Нет. Мне хватит.

Дима налил себе и выпил, не закусывая.

– Ладно. Балдей пока здесь. А я пошел своих бойцов строить. Им на ужин пора. Я живу в сто сороковой комнате. Заходи вечером. Выпьем.

– Угу... – вяло отозвался Олег и вырубился.

Лунин вышел из комнаты, плохо прикрыв за собой дверь.

Света до вечера приняла одного бойца с переломанным пальцем, и собралась идти домой. Всегда она ходила домой с мужем, и теперь дорога казалась ей пустой и противной. В забега-ловке, как всегда, сидели офицеры спецназа, и пили водку. Двое стояли на выходе и помахали Свете, приглашая войти. Света помотала в ответ головой, и прошла мимо.

В общежитии она поднялась на свой этаж и пошла по коридору, как увидела одну из дверей приоткрытой. Долго в этой комнате никто не жил, и Света из любопытства, походя, заглянула вовнутрь.

Её взору предстало тело в военной форме, уткнутое головой в стол. Света не могла пройти мимо этого безобразия, и зашла в комнату. Кроме спящего лейтенанта, в комнате никого не было. Стол был заставлен остатками пьянки – пара пустых стаканчиков, пара коробочек от «Доширака», вилки, нож, разорванная шкурка от копченой колбасы. На полу так же валялись пара пустых бутылок из-под водки.

– Ну и охота было так пить? – спросила вслух Света.

Она бесцеремонно взялась за ухо, и повернула голову к себе. Это был приходивший к ней утром Нартов. Света с трудом вспомнила его имя и, потрепав по щекам, громко сказала:

– Олег! Проснись! Тебе плохо?

Нартов зашевелился, и приоткрыл глаза:

– Мне хорошо.

– Где ты так пить научился? Лунин научил?

– Мы немного вместе выпили за знакомство... и всего то!

– Ты как себя чувствуешь?

– Нормально.

– Точно?

– Точно.

– Если будет плохо – я живу через дверь. Постучишься. Зовут меня Света. Ясно?

– Да.

– И не пей так больше. Это они пропойцы еще те, а ты молодой, и примера с них не бери. Ты, вроде человек интеллигентный, так что смотри...

Света пошла к себе, оставив Олега на полу.

Нартов встал и помотал головой. Голова кружилась, хотелось прилечь и закрыть глаза. Но как только он лег на койку, как тут же почувствовал, как проваливается куда-то в пропасть. Олег сел, и ему стало немного лучше.

– Пить больше никогда не буду, – сказал он сам себе.

Огромный транспортник Ил-76 коснулся посадочной полосы и, подпрыгивая, покатился по бетонке. Игоря от перегрузки вдавило в седушку, перехватило дыхание, и на мгновение ему показалось, что самолет совершает вынужденную посадку. Но это было только видение. Военно-транспортный лайнер сел, как и положено, просто Игорь никогда прежде не летал на таких самолетах, и это было ему в диковинку.

Когда открыли рампу и опустили аппарель, Игорь первым шагнул наружу. Моздокский аэродром встретил его порывом холодного ветра, и он зажмурился.

Офицеры спецназа быстро организовали разгрузку самолета, и часть бойцов была придана Игорю для разгрузки имущества медицинского отряда.

Разведчики работали споро, и буквально через полчаса все имущество было выгружено вначале из одного, а потом, по мере прибытия, и из других двух самолетов. К этому времени появился представитель Моздокского госпиталя и указал место, где Янин должен был развернуть хирургическое отделение. Готовность отделения представитель госпиталя определил к исходу вторых суток. Это было с натяжкой реально, и Игорь кивнул. За это время нужно было установить палатки, связь, организовать службу, работу и отдых. А еще нужно было помочь разведчикам: у Романова был свой врач, начальник медпункта капитан Кириллов. Следовало бы оказать ему помощь в организации медпункта в отряде.

156-й военный госпиталь располагался в здании бывшей картонной фабрики на окраине Моздока. Госпиталь был обнесен по периметру бетонным забором и имел довольно большую территорию. На территории стояли палатки для легкораненых и различных служб. В углу были складированы деревянные ящики с цинковыми гробами. Игорь прошел по территории госпиталя, знакомясь с обстановкой. Проходя мимо хирургического модуля, Игорь вдруг увидел человека в зеленом халате хирурга, у которого было очень знакомое лицо.

– Самвел! – крикнул Игорь.

Человек обернулся и, прищурившись, посмотрел на Янина.

– Игорь! Ты ли это?

Самвел Ионесян, однокашник Игоря по институту, видимо только что был после операции: его руки были в крови, а выглядел он в целом очень устало.

Игорь пожал Самвелу руку за предплечье, и похлопал другой рукой по спине:

– Ну, как ты тут? Давно?

– Второй месяц. С ног валюсь... раненых сегодня привезли сорок восемь человек. Почти все из Грозного. Один сейчас у меня на столе умер...

Игорь разглядел в глазах Самвела пустоту. Смерть раненого на столе дело не такое уж и редкое, но все же...

– Ты представляешь, я просто не заметил, что у него кроме всего прочего была еще перебита подключичная... Я просто увлекся отсечением простреленной селезенки, и почки... а он умер от другого! Есть водка? Дай хоть сто грамм хлебнуть!

– Водка есть. Вот только полезет она тебе?

– Ладно, не надо водку. Хрен с ней. У меня еще сегодня будут операции... как жена? Детей вы еще не завели?

– Света осталась дома. Пока с детьми решили повременить. Нет квартиры. А как ты?

– У меня в Питере уже два сына растут, – Самвел устало улыбнулся.

– А я у вас разворачиваю хирургическое отделение. Будем вам помогать...

– Это хорошо. Там, в Грозном бои идут ужасные. Раненые и убитые поступают к нам просто потоком. Иногда даже сортировать не успеваем. Вы нам как воздух нужны. Просто необходимы. Ты завтра с утра заходи ко мне. Посидим. Молодость вспомним...

– Хорошо Самвел, я обязательно зайду.

Игорь пошел дальше. Встретить здесь однокашника он не ожидал. Просто еще как-то не думал об этом. Ему запомнился взгляд Самвела, после того, как он сказал, что у него на столе умер боец. Пустота. Игорь понял, что Самвел за время пребывания на войне успел познать что-то такое, чего Игорь еще не знал, что ему еще только предстояло увидеть и почувствовать.

На указанные места притащили палатки, и стали их устанавливать. Было около двух часов ночи, когда работа началась, и грозилась эта работа закончиться только к утру. Бойцы из отделения обеспечения, санитары, водители и сами врачи, все как один, трудились на возведении палаточного городка хирургического отделения. Работать приходилось при свете автомобильных фар и караульных прожекторов. К тому – же под утро повалил снежок, но скоро он закончился, причинив, однако, массу неудобств, и вызвав в свой адрес поток ругательств.

Утром палатки служб уже стояли, и в них начали заносить имущество. Двум медсестрам Янин приказал пойти отдохнуть, но обе двадцатилетние девушки наотрез отказались отдыхать тогда, когда для остальных работа еще не закончилась. Ира и Эльвира заявили Игорю, что готовы работать до полного изнеможения, и что именно для такой работы они и приехали в Чечню. Игорь захотел схитрить, на повышенном тоне сказал:

– Моздок не Чечня! Вот как попадете в Чечню, тогда и будете перечить. Марш отдыхать.

Девушки просто отвернулись от него и занялись своим делом, хотя обе уже падали с ног от усталости и недосыпа.

Ближе к полудню прилетел вертолет. Он приземлился на посадочной площадке у госпиталя. Возле вертолета замельтешили люди, и это привлекло внимание вновь прибывших. Все побросали работу, и пошли смотреть.

Из вертолета подали носилки, и санитар ухватил их за ручки. На носилках лежало тело солдата, по всей видимости, погибшего от близкого разрыва артиллерийского снаряда. Воротник бушлата был сильно залит кровью, одна нога была оторвана и просто лежала рядом с телом. Было видно, как свисает к земле разломанная осколками рука с наполовину оторванной кистью. Эльвира от этого зрелища побледнела, и вдруг обняла Ирину. Они так и стояли, глядя, как из вертолета выгрузили еще один изувеченный труп, после которого сами вышли трое легкораненых.

– Совсем мальчики еще... – тихо сказала Ирина и, отвернувшись, расплакалась.

Эльвира тоже не удержалась и через пару минут они обе, пряча глаза, лили слезы в три ручья, а мужская половина медперсонала хирургического отделения делала вид, что ничего не замечает...

Игорь посетил Самвела, но тот был слишком занят, и чаепитие не состоялось.

К вечеру подключили к палаткам электричество, и к полуночи отделение уже было готово принимать раненых.

Как только Игорь принял от всех доклады о готовности, он приказал всем спать. Сам он завалился на свои нары, и почти мгновенно вырубился. В палатке весело горела буржуйка, и блики огня плясали на брезентовых стенах и потолке, напоминая собой майскую грозу. Только смотреть на эту пляску огня было некому. Спали все. Люди устали, и перед началом настоящей работы все хотели отдохнуть.

Дрова прогорели за двадцать минут, и январский мороз запустил свои холодные щупальца в палатки, но люди как будто не замечали мороза. Устали так, что даже мороз уже был нипочем. Все спали. Завтра для них должна была начаться другая жизнь. Совсем другая жизнь...

Утром, чуть свет, отделение зашевелилось. Буквально через полчаса уже были готовы принять раненых и оказать им специализированную помощь. Но просидели почти до обеда, а никто так и не появился. Игорь, улучив момент, поспешил к Самвелу.

Самвел сидел у себя в палатке и как будто ждал прихода Игоря.

– Доброе утро! – поприветствовал Игорь своего друга.

– Похоже, что, действительно доброе, – усмехнулся Самвел, и протянул руку.

– Я готов принять раненых. Так что можете часть прибывающих отправлять ко мне, – заявил сразу Игорь.

– Вам же на завтра определили начало работы! – удивился Самвел. – Я бы сейчас спал бы на твоём месте или разлагался бы с водочкой.

– Хочу просто оказать коллегам посильную помощь. Да и персонал просится, что говорить, в бой.

– Да и черт с тобой. Принимай, работай. Нам от этого только легче будет.

– Я вижу, ты не рад?

– Рад. Просто уже не могу ничем выразить положительные эмоции. За это время отвык. Очерствел, что ли... Война-с. Вчера видел, как вертушка привезла пару трупов и раненых несколько человек?

– Видел, – кивнул Игорь. – Кто это?

– Это бойцы внутренних войск из двадцать первой бригады Гены Фоменко. Подорвались на фугасе. Вот ведь как бывает: один фугас, а столько горя...

Самвел налил в чайник из банки воду, и включил чайник в сеть.

– Сейчас чайку отведаем... – ухмыльнулся чему-то он, и полез в тумбочку вытаскивать припасенную ещё на вчера заначку: пачку печенья.

Но попить чай они не успели. Над головами послышался звук работы вертолётных двигателей, и вскоре на посадочную площадку буквально плюхнулся дымящий Ми-8мт. Как только колеса коснулись земли, из вертолёта выскочил бортстрелок с огнетушителем, и сразу полез к двигательному отсеку.

Тем временем из вертолёта показался ещё один пассажир, который начал махать руками и без того спешащим к борту санитарам.

Игорь поспешил к вертолёту и уже на подходе увидел, что лобовое остекление кабины буквально изрешечено пулями. Через стекло он разглядел в кабине пилота, который завалился лицом на приборную панель, и не шевелился. Второй пилот пытался открыть задвижку бокового блистера, но она не открывалась, и он в остервенении бил её локтем.

Санитары приняли из десантного отсека на носилки трех тяжелораненых. Игорь успел заметить, что у одного бойца была оторвана ступня, и нога была перетянута резиновым жгутом.

– Помогите! – вдруг раздался крик из кабины, и Игорь увидел пилота с окровавленным лицом.

– Командир убит, – уже тише сказал пилот.

Только сейчас Игорь понял, что пилот, завалившийся на приборы, ранен или даже убит.

Санитары через несколько минут вытащили тело пилота, и понесли его на носилках в палатку сортировки раненых. Игорь тоже поспешил туда. В палатке он быстро надел перчатки, медсестра завязала тесьму маски, и Игорь встал на сортировку раненых.

Первым был сержант с пробитой головой. Он лежал на носилках без сознания, его голова была перебинтована и повернута на бок. Через бинты сочилась кровь. Пульс был слабым, дыхание было прерывистым. В рот сержанта был вставлен воздуховод, так как его язык западал, и тем самым грозил удушьем.

Игорь, разглядывая ранение, выслушал медсестру, которая прочитала сопроводительную записку о проведенных мероприятиях.

– Ясно, – отозвался Игорь. – Срочно трепанация черепа. Удалить гематому. В нейрохирургию в первую очередь. Живо!

Санитары поволокли носилки дальше. На место осмотра поставили еще одни носилки. Ирина прочитала:

– Рядовой Гришаев. Слепое осколочное проникающее ранение живота с возможным повреждением полых органов, шок третьей степени. Первая помощь: промедол, наложена повязка на частично выпавшие внутренности. В медпункте полка: еще промедол, кофеин, антибиотики, двусторонняя поясничная блокада, перевязка, ноль пять столбнячного анатоксина, струйно четыреста полиглюкина.

В это время Игорь закончил с помощью Эльвиры разбинтовывать повязки, и быстро осмотрел повреждения. У солдата был буквально вспорот живот, а наружу была вывалена тонкая кишка. Лицо бойца было бледным, глаза он закатил и тихо постанывал.

– Пульс? – спросил Игорь.

– Сто двадцать, – отозвалась Эльвира.

– Давление?

– Шестьдесят на тридцать.

– Готовьте на лапаротомию. Следующий.

Внесли пилота только что прилетевшего вертолета. Положили на стол. Игорю одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что что-либо делать было уже поздно.

Игорь прощупал ранение шеи, головы, груди и повернулся к Ирине:

– Огнестрельное повреждение сонной артерии и яремной вены, слепое огнестрельное ранение в голову в височную область справа. Смерть наступила минут двадцать назад. Кто это?

– Герой Советского Союза полковник Николай Майданов. Командир триста двадцать пятого вертолетного полка, – отозвался кто-то сзади и, повернувшись, Игорь увидел второго пилота, который стоял у входа и вытирал с лица засохшую кровь.

– Вы ранены? – спросил его Игорь.

– Задело немного...

– В соседней палатке прием легкораненых, – Игорь махнул рукой на выход.

Пилот-вертолетчик вышел.

Через пять минут уже подготовленный раненый лежал на операционном столе. Игорь перекрестился. Это была его первая операция на войне. Совсем не хотелось, чтобы первый блин был комом.

Анестезиолог Филипп доложил о готовности к операции.

– С Богом, – сказал Игорь.

Провели комплексную противошоковую терапию. Игорь ушил раны кишечника, промыл внутренности изотоническим раствором натрия хлорида, провел дренирование брюшной полости. Пока все это делал, взмок. По спине буквально текли струйки пота. Пот, стекавший по лбу, время от времени вытирала ему Эльвира.

Когда операция, наконец, закончилась, Игорь присел возле палатки на лавочку. Январь на Кавказе был значительно теплее своего, домашнего. Игорь с наслаждением подставлял под лучи солнца свое лицо и откровенно радовался тому, что спас тяжелораненого солдата.

Первый блин не получился комом.

Вышедшей из операционной палатки Ирине он сказал:

– Ириш, приготовь, пожалуйста, кофе.

Ира кивнула, и пошла в жилую палатку.

Возле вертолета уже стояла машина аэродромного обслуживания, очевидно приехавшая с Моздокского аэродрома. На вертолете копошились техники. Игорь лениво наблюдал за их работой, пока Ирина не принесла кружку с кофе.

– Спасибо, – сказал Игорь, принимая кофе.

Горячее кофе было особенно приятным.

Через полчаса вертолет был взят на сцепку и тягач утащил его. Очевидно, в результате обстрела вертолет получил такие повреждения, что сам взлететь уже не мог.

Вскоре Игоря позвали обедать. На обед подали гречневую кашу с тушенкой, хлеб и по полбанки сайры в томатном соусе. Весь персонал хирургического отделения обедал молча. Видимо все переваривали начало своей работы на войне. К Игорю подсел Самвел и, таясь, показал из-под стола фляжку.

– Давай?

– Если не много, то давай!

Самвел налил Игорю в кружку водки, и они выпили по сто грамм.

– Как начало? – спросил Самвел.

– Делал сейчас бойцу лапаротомию.

– Ну и как?

– Нормально, – Игорь пожал плечами. Он подобные операции уже делал, эта отличалась от тех только тем, что проводилась она практически в полевых условиях.

– Сильно не расслабляйся. Пришло сообщение – к нам везут девять раненых омовцев. Подорвались под Аргуном.

После обеда Игорь сообщил эту новость всему персоналу отделения. В это время как раз развернули еще два операционных стола, и хирурги Павел и Михаил в готовности слонялись вокруг палаток отделения.

В четыре часа, наконец, привезли ожидаемых милиционеров. Их быстро сгрузили с двух «Уралов» и понесли на сортировку.

Игорь принял по очереди четверых: двое с ранениями конечностей, один с контузией и еще один с тремя пулевыми ранениями в грудь. С раненым провозились несколько часов, и удовлетворенные успешным исходом операции, вышли на воздух из палатки.

На улице уже было далеко за полночь. Мимо в темноте прошел караул, позвякивая оружием, и цокая подкованными каблуками. Игорь вдруг почувствовал, как сильно он голоден.

Рядом вышли на улицу медсестры. Они устало опустились на лавочку, и сидели против обыкновения молча, видимо, просто отдыхая после напряженной работы.

– Ну, как? – спросил их Игорь.

– Могло быть и хуже... – устало отозвалась Эльвира.

Медикам повезло. Больше раненых не привозили, и практически весь персонал отправился до утра спать.

Игорь прошел на узел связи госпиталя и поинтересовался у солдат нельзя ли связаться с домом. Бойцы в начале тянули лямку, но потом все же через массу промежуточных узлов связи соединили Игоря с родным госпиталем. Бывало, что Света дежурила сутками, и если судьба пожелает, то вполне можно ее услышать...

Связистов госпиталя Игорь попросил соединить с хирургическим отделением и еще через пару секунд услышал сонный голос Светы.

– Слушаю, – голос Светы сливался с шумами на линии, но был вполне различим.

– Здравствуй, родная! – прокричал Игорь в трубку, чувствуя, как от волнения начал шепелявить.

– Игорь, ты? – голос Светы притих, но потом снова стало хорошо слышно.

– У меня все хорошо. Работаю в госпитале в Моздоке. Встретил здесь Самвела. Он здесь тоже работает. Как ты? – скороговоркой проговорил Игорь, боясь, что связь может прерваться в любой момент.

– Я хорошо. Я люблю тебя! Приезжай скорее! Самвельчику привет!

– Передам. Я тебя тоже люблю, милая! Будь умницей!

– Ты еще позвонишь?

- Да.
 - Когда?
 - Я не знаю. Как получится.
 - Как работа? Много операций?
 - Сегодня провел две.
- Связь прервалась. Солдат-связист глуповато улыбнулся, и с чувством выговорил:
- Такая вот в Красной Армии связь...
- Игорь поблагодарил его, и пошел в свою палатку спать.

Утром Олег проснулся с больной головой. Никуда идти не хотелось, но все же он встал, и включил чайник. В течение десяти минут он умылся, убрал со стола следы вчерашней пьянки, и начистил кремом новые ботинки. Попытка попить чаю успеха не имела: ничего не лезло вовнутрь – мутило. Олегу пришлось голодным идти в часть. Возле выхода из общежития его встретил Лунин.

- Привет, Олег. Что-то вид у тебя больной какой-то!
- Потому что болею.
- Уж не после вчерашнего?
- После одного самого.
- Пивка?

Олег секунду колебался.

- Не помешает.

Они свернули в забегаловку, и Дима купил две бутылки пива.

- Пока до части дойдем, выпьем.

Олег выпил пиво, и почувствовал некоторое облегчение. Дима запустил свою пустую бутылку за забор на территорию части. Слышно было, как бутылка разбилась обо что-то твердое.

– Попал во что-то, – удовлетворенно произнес Лунин. – Наверное, бойцу какому-нибудь голову проломил. Комиссуют теперь мерзавца... вот повезло-то ему...

Олега передернуло от такого отношения офицера к личному составу.

На плацу уже стояли жалкие остатки бригады специального назначения – после убийства в Чечню отдельного отряда, народу в бригаде стало на треть меньше. Командир бригады прохаживался около штаба, давая время опоздавшим офицерам и прапорщикам встать в строй.

Олег пристроился за рослыми офицерами штаба бригады и стоял, молча озираясь. Рядом громко хохотали солдаты первой роты первого батальона. Их пытались утихомирить офицеры, но смех разгорался время от времени с новой силой. Олег долго смотрел на них, но так и не понял, с чего они смеются. Вскоре он увидел, что и некоторые офицеры, тоже посмеиваются, пряча при этом глаза, явно стараясь не смотреть на объект смеха.

- Равняйся! – вдруг раздался громкий окрик начальника штаба бригады.

Олег повернул голову вправо, хотя справа от него никого не было, и равняться было не по ком.

- Смирно!

Олег повернул голову прямо, и тут же услышал новые приглушенные смешки со стороны первого батальона бригады.

Начальник штаба повернулся, и пошел четким строевым шагом к командиру бригады, который двинулся ему на встречу. Когда между ними оставалось шагов пять, они остановились, и начальник штаба громко отрапортовал:

- Товарищ полковник, бригада специального назначения построена.

Командир бригады выслушал рапорт, набрал в легкие воздуха, и не менее громко поздоровался:

- Здравствуйте товарищи разведчики!
- Здрав... жлав... товащ... полковник! – гулом отозвалась бригада.
- Вольно, – скомандовал командир.
- Вольно, – продублировал начальник штаба.

Бригада облегченно выдохнула. Олег расслабил одну ногу.

Командир подошел к офицерам штаба бригады, хмуро посмотрел на своих подчиненных, и пошел вдоль строя. Возле первой роты он остановился, и несколько мгновений смотрел на первую шеренгу бойцов.

- Что это за клоун? – спросил он, указывая командиру роты на одного из бойцов.
- Сержант Родионов, – отозвался ротный.

Олег разглядел сержанта. С виду в нем не было ничего смешного, но, приглядевшись, Олег увидел, что у него шапка была надета задом наперед, а кокарда, тем не менее, оставалась спереди. Очевидно, кто-то подшутил над сержантом, перевесив кокарду, а сержант не заметил вовремя подвоха и, видимо по обыкновению, не разобравшись в ситуации, надел шапку кокардой вперед.

Олег прыснул от смеха, стараясь при этом не привлечь к себе внимание командира бригады.

- Сержант Родионов! Выйти из строя! – громко приказал комбриг.
- Сержант уныло сделал два шага вперед, и повернулся лицом к строю.
- Пять суток ареста! – объявил комбриг сержанту.

– Есть пять суток ареста, – отозвался сержант, по всей видимости, так еще и не понявший причину такого обхождения с ним со стороны вышестоящего командования.

После развода Олег увидел, как сержант перевешивает на место кокарду, а сослуживцы подтрунивают над ним.

В лингафонном кабинете, начальником которого назначили Нартова, Олег опустился на обитый поролоном стул и прикрыл глаза. Голова гудела, и ничего не хотелось делать. По полу кабинета пробежала жирная крыса. Олег вздрогнул.

- Ничего себе соседка! – вслух сказал он.
- С кем болтаешь? – спросил Серебров, заходя в кабинет.
- Крысы бегают, товарищ майор, – отозвался Олег.
- Дело есть, Нартов, – сказал майор и прикрыл дверь.
- Слушаю, – Олег, наконец, встал со стула, проявляя субординацию.
- Тебе с нами предстоит ехать в Чечню.
- Я это знаю, – пожал плечами Олег.

– Не перебивай. По приказу министра обороны в район боевых действий можно отправлять только военнослужащих, прослуживших не менее полугода. А ты, получается, у нас прослужил всего один день. Выход?

- Выход? – переспросил Олег, давая Сереброву высказать свое видение проблемы.
- Нам нужен от тебя рапорт.
- Я имею какой-нибудь выбор? – спросил Олег.

– Конечно. Не будет от тебя рапорта, никуда ты не поедешь. Тебе то что: ты офицер-двухгодичник. Отслужил свои два года лейтенантом, и поехал домой. Вот только у нас нет нормального дипломированного арабского переводчика. А там, в Чечне, придется воевать с арабами. Иногда возникнет необходимость допросить пленных, но сейчас мы своими силами этого сделать не можем. А бывают ситуации, когда нельзя привлекать сторонних специалистов. Ты меня понимаешь?

- Вполне. В каком виде должен быть написан рапорт?

– Ты согласен?

Олег понял, что Серебров не ожидал от него такого ответа.

– Я не только согласен. Я вполне готов работать по своему профилю.

– Это хорошо. В атаку тебе ходить не придется, – успокаивающе сказал майор, но Олегу этого не требовалось, и Нартов поморщился.

Олег написал рапорт и отдал его Сереброву. Майор ушел, и Олег снова прикрыл глаза. Он даже умудрился немного поспать, как в кабинет вошел Лунин.

– Разлагаешься?

– А что делать? – отозвался Олег.

– Пиво пить.

С этими словами Дима вытащил из-за отворота бушлата еще две бутылки пива. Олег взял в руки холодную бутылку и открыл зубами крышку.

– Спасибо, – поблагодарил Лунина Олег.

Дима выпил пиво и привалился на соседнем стуле. Через пару минут он уже храпел. Олег походил по кабинету, попытался найти дыру, из которой выскочила крыса, но потом снова сел на стул. До самого обеда он так и просидел на стуле.

Вставать одной было непривычно. Света быстро приготовила завтрак и без аппетита поела. По дороге в госпиталь она поскользнулась, и чуть было не упала. Пока дошла до госпиталя, чуть не отморозила нос. В госпитале подруги что-то тараторили по поводу резкого разворота событий очередной телевизионной мыльной оперы, что Свете было в принципе не интересно.

До обеда она приняла двух разведчиков с вывихами и ушибами. Это были результаты казарменной разборки, и бойцов сопровождал особист бригады. Бойцы не проронили ни одного лишнего слова и молчали, когда Света поинтересовалась, кто их так избил.

– Не хотите говорить – и не надо, – выдохнула она.

После обеда она устроила обход больных, а потом, проинструктиввав дежурную медсестру, ушла домой. Дома было непривычно одиноко и тоскливо.

Света включила телевизор и с нетерпением стала ожидать «Новости», которые до этого никогда так не ждала. Вчера мельком показали госпиталь в Моздоке, и Света немного успокоилась, увидев, что там действительно нет войны. По крайней мере, так виделось по телевизору. Начались «Новости», и Света сделала телевизор чуть громче:

– Сорвана попытка боевиков вырваться из Грозного... – вещал диктор, – уничтожено до двухсот боевиков, со стороны федеральных сил один человек убит и двое получили ранения...

Света покачала головой. Она не была специалистом проведения боевых операций, но вполне понимала, что такого соотношения потерь на войне быть не может.

– Ну ведь врете! – вырвалось у нее.

Зазвонил телефон, и Света, с замиранием сердца, кинулась снимать трубку.

– Слушаю!

– Это Лариса? – раздался в трубке чей-то противный голос.

– Вы ошиблись, – упавшим голосом ответила Света и положила трубку.

Прежде чем лечь спать, Света просидела возле телефона три часа. Она с надеждой смотрела на красный телефон, который мог дать ей насладиться голосом любимого человека. Но телефон упорно молчал. Света перед сном наклонилась к телефону и тихо прошептала:

– Ну, пожалуйста, любимый, позвони мне сегодня.

Но телефон продолжал молчать.

Только за стенкой раздались крики. Наверно снова пили молодые лейтенанты...

Утром в госпиталь к Игорю приехал врач отряда специального назначения капитан Кириллов.

– Заходи Саша! – приветствовал коллегу Игорь. – Что у вас нового?

– Работаем по тихой... – отозвался Саша.

– Что же привело вас сюда, друг мой? Как вы развернули медпункт? Не требуется ли наша помощь?

– Помощь не требуется. А приехал по делам службы.

Получилось довольно многозначительно, Игорь это уловил, и не упустил случая подтрунить над коллегой:

– Да, нам такой полет мысли не осилить...

Оба рассмеялись. Саша быстро изложил все новости отряда. Оказалось, что отряд уже работает в Грозном, и уже были у них два раненых, которых увезли во Владикавказ. Отряд базируется на окраине Моздокского аэродрома, а так же развернули промежуточную базу в Толстом-Юрте. Пригласил, как будет время, прийти в гости на чай.

– Хорошо, – кивнул Игорь.

Саша ушел по делам в здание госпиталя, а Игорь уже смотрел на посадочную площадку, на которую заходил вертолет. К площадке бежали санитары с носилками. Игорь направился в отделение.

Вскоре туда поступили раненые.

– Капитан Иванишин, – начала читать Ирина сопроводительную карточку. – Минно-взрывная травма – отрыв правой стопы на уровне голеностопного сустава. Рана загрязнена землей. Первая помощь: наложен жгут, вкололи промедол. В медпункте полка: еще промедол, димедрол, кофеин, антибиотики, столбнячный анатоксин, полиглюкин, иммобилизация лестничной шиной. Пульс сто десять, давление девяносто на шестьдесят.

Игорь склонился над раненым. С раненой ноги медсестра уже сняла повязку, шину и жгут. Потекла кровь. Капитан испуганным взглядом следил за действиями врачей. Что бы его хоть как-то успокоить, Игорь сказал:

– Нечего так переживать. Пустяковая рана. Через месяц на протезе танцевать будешь! Дети есть? Семья есть?

– Есть, – прохрипел капитан. – Сын. Васька. Три годика.

Ножницами Игорь начал разрезать штаны, и кидать клочья одежды в сторону. Эльвира помогала ему, и через пару минут они оголили ноги Иванишина. Кожа поврежденной ноги была закопчена микроскопическими не сгоревшими до конца остатками тротила. Кроме того, практически вся поверхность ног была изрезана мелкими ранами и измазана кровью. Так же была повреждена мошонка. С первого взгляда было ясно, что детей у капитана больше никогда не будет...

– Приступим, – бодро, скорее для раненого, нежели для себя, сказал Игорь.

После введения обезболивающих, Игорь отсекал омертвевшие части поврежденных тканей, перепилил выпирающую кость, и в конце долго очищал ткани от мелких осколков корпуса мины и ввевшейся копоти. Все это время он старался поддерживать контакт с раненым и много рассказывал ему о прелестях жизни, дабы с самого начала своей инвалидности человек не утратил желания к дальнейшему существованию.

После операции Эльвира расплакалась как в первый день своего пребывания в Моздоке.

– Здоровые, красивые мужики! – причитала она. – Теперь обречены на жалкое существование! Да для чего же нужна эта проклятая война!?

– Сколько боли... сколько крови... – вторила ей Ира. – Зачем? Кому это все надо?

Они долго сидели и ревели на пару, и никто к ним не подходил.

Привезли трех десантников, подорвавшихся на mine МОН-50. Игорь прооперировал одного, вытащив из его тела двадцать восемь стальных шариков. Все шарики пришили бойцу по задней части обеих ног, и от множественных ранений десантник потерял много крови и пребывал в тяжелом шоке. В момент операции он пришел вдруг в себя и полупшепотом сказал:

– Они визжат.

– Кто визжит? – не понял Игорь.

– Шарики от мины, когда летят... – пояснил десантник и снова потерял сознание.

Закончив операцию, Игорь напился кофе с водкой, и присел на лавочку передохнуть. Эльвира присела рядом. Она держала себя в руках и слезы теперь не пускала. Однако по всему чувствовалось, что она хочет что-то сказать Игорю.

После десяти минут такого молчаливого сидения, Игорь не выдержал:

– Эльвира, не держи в душе...

– Игорь Васильевич, простите меня, но мне кажется, что я здесь не смогу больше работать. Я просто не могу смотреть, как война калечит наших мальчишек. Простите меня...

Эльвира потеряла над собой контроль и снова разревелась. Из палатки выглянула Ирина, но, увидев эту сцену, выходить не стала, и вернулась к операционному столу.

– Ты хочешь уехать домой? – прямо спросил Игорь.

– Да.

– Ты хочешь взвалить свою работу на кого-то другого? – жестко спросил Игорь, подсознательно понимая, что в настоящий момент нужно разговаривать с медсестрой только официальным тоном.

– Нет, – отозвалась через мгновение Эльвира.

– Эльвира, у меня на столе стоит бутылка водки. Иди и выпей сто грамм. Это приказ.

Медсестра кивнула и ушла в палатку персонала. Через минуту она вышла оттуда и пошла в операционную. Игорь понял, что, по крайней мере, еще на какое-то время смог вселить в свою медсестру хоть какую-то уверенность.

Вечером Игоря и Самвела вызвал начальник госпиталя.

Друзья в назначенный час вошли в скромный кабинет полковника медслужбы Ильсова. Алишер сразу предложил вошедшим выпить вина. Сели вдвоем за столик, и выпив пару стаканов, наконец, приготовились слушать полковника.

– Вот что, коллеги, – сказал Алишер. – Поступил приказ сформировать маневренную медицинскую группу для действий непосредственно у передовой. В составе группы должны быть как минимум два хирурга. Приказывать я не буду.

Самвел и Игорь переглянулись. Игорь прочитал в глазах друга согласие, и за обоих кивнул. Самвел спросил:

– Готовность?

– Завтра утром. Машины уже готовы. Сроки сжатые, так что надо поторопиться...

Игорь понял, что эту ночь он не поспит.

Во дворе госпиталя Игорь осмотрел предоставленные группе машины. Это была одна бронированная БММ на базе БТР-80, ГАЗ-66 и «Урал». При машинах находилось шесть бойцов и сержант-контрактник на год старше своих подчиненных.

– Сержант Рожков, – представился он.

– Техника готова? – спросил Игорь.

– Вполне, – по-деловому отозвался сержант.

Игорь вернулся в свое отделение и вместо себя назначил старшим Михаила. Тот устало кивнул. Он был вполне подготовлен для самостоятельной работы.

Игорь нашел медсестер и прямо спросил их, есть ли у них желание ехать с ним. Обе помотали головами и добавили:

– Прикажете – поедем, а по желанию нет.

Игорю нужна была только одна медсестра, и он несколько мгновений смотрел им в глаза, делая такой сложный выбор. Уравновешенная Ирина на мгновение спрятала свои спокойные глаза, а Эльвира смотрела твердо. Игорь спросил её:

– Поедешь со мной?

Она пожала плечами, как бы возвращая Игоря к уже сказанному. Игорь смягченно сказал:

– Приказать не могу. Тогда просто прошу.

– Семи смертям не бывать, одной не миновать, – как-то отрешенно сказала Эльвира и добавила: – я готова пойти хоть в самое пекло, лишь бы спасти наших мальчишек.

Она так посмотрела на Игоря, что тот непроизвольно кивнул. Потом Игорь подумал и добавил:

– Готовность к выезду – пять утра. Сейчас готовься, и спать. Мне нужно, чтобы ты там работала, а не дрыхла в машине.

– Я поняла.

Эльвира поспешила в свою палатку.

Утром в пять часов начали подниматься, умываться, завтракать. Пришел сержант Рожков и доложил, что личный состав к маршу готов.

В семь часов начали движение. Вскоре небольшая колонна медиков пристроилась к транспортной колонне мотострелкового полка. Игорь за час до выезда получил на каждого автоматы и цинк патронов, и теперь, сидя в «Урале» держал на руках оружие, и со всей сознательностью оглядывал мелькающие окрестности, считая, что в случае нападения боевиков сможет дать им достойный отпор.

Все водители не раз гоняли по трассе Моздок – Червленная, и поэтому опасения заблудиться у Игоря не было. Согласно маршрутному листу им предстояло ехать дальше Червленной к Толстой-Юрту, но водитель клялся, что дорогу знает, и Игорь успокоился окончательно.

Эльвира ехала в автоперевязочной, и всю дорогу молчала, хотя водитель, Серега, несколько раз пытался заговорить с ней. Где-то часа через три он прекратил эти жалкие попытки, и смотрел только на дорогу.

Проезжая мимо Новотерского, увидели на обочине три сгоревшие машины и один БТР. Скаты на технике еще дымились, и вместе с запахом паленой резины вдруг дошел какой-то новый, неведомый никогда прежде запах. Игорь встряхнул головой, но вдруг ему совершенно отчетливо показалось, что именно так пахнет смерть. Вдруг он понял, что именно здесь и начинается то, что во все времена звалось войной. Вдруг он буквально всем своим существом ощутил, что, и он сам вполне реально может попасть под обстрел и точно так же догорать потом возле дороги...

Увидев сгоревшие машины, Эльвира встрепенулась.

– Это что? – спросила она Сергея.

– Это пятнадцатый полк вчера попал в засаду. Двое пацанов погибло. Много было раненых. Там, дальше, возле Грозного и в самом городе, еще и не такое валяется...

Эльвира засомневалась в своем выборе. Пожалела, что согласилась ехать, но потом стиснула зубы и сказала сама себе: «держиись!»

В Толстом-Юрте небольшая колонна, наконец, остановилась. Игорь вылез из машины и потянулся, разминая затекшие ноги и руки. Его встретил врач медпункта бригады оперативного назначения внутренних войск, и предложил следовать за ним.

Игорь, Самвел и Эльвира поспешили за врачом. Игорь заметил, что идущий впереди врач прихрамывает, и подумал, что это результат ранения. Врач привел их в штаб бригады, где их встретил заместитель командира бригады. Подполковник быстро оглядел прибывших, и устало кивнул:

– Располагайтесь пока, ждите командира. Сейчас он придет.

Не успели медики присесть в углу на стулья, как в помещение быстрым шагом вошел командир бригады полковник Фоменко. Несколько минут он принимал доклады разведки, и лишь дав кое-какие указания, наконец, повернулся к Игорю.

– Вы из госпиталя?

Игорь встал:

– Так точно!

– Сколько вас?

– Два врача, одна медсестра, семь бойцов.

– Сойдет. Техника?

Игорь назвал имеющуюся технику. Фоменко кивнул.

– Я дам вам провожатого, и вы направитесь в Грозный. Ясно? – Комбриг Фоменко жестко посмотрел на Игоря и Самвела. Выдержав паузу, добавил: – Поедете в самое пекло. Сегодня у меня в Грозном погибло уже двадцать два человека, а бой еще идет. Там работает бригада врачей, и вы идете им в помощь. Все.

Фоменко отвернулся, давая понять, что больше не уделит врачам ни минуты своего времени.

Самвел потянул Игоря и Эльвиру к выходу. Там их нагнал встретивший их врач. Он спросил:

– Вы готовы ехать?

– Да, – отозвался Игорь.

– Тогда погнали, пока не стемнело. Потом «чехи» могут коридор перекрыть...

Последняя фраза выбила Игоря из колеи. Эльвира мелко дрожала, но молчала.

– Меня зовут Костя, – запоздало представился врач.

Ему ответили, и через минуту колонна выскочила в сторону города. Костя нервно дергался и несколько раз повторил:

– Надо быстрее, а то не проскочим...

Он держал автомат наготове и, когда что-то мелькнуло в стороне, вдруг вскинул оружие и пустил по кустам длинную очередь.

– Показалось... – хмуро прокомментировал он свои действия.

Игоря оглушила очередь, и он вжался в сиденье. Костя злорадно усмехнулся и, улыбаясь, громко сказал:

– Что, страшно? Ерунда! Через три дня привыкните! Тут еще и не такое бывает...

Машины неслись по дороге мимо частных домов. Проскочили мимо блокпоста, который пропустил их без проверки.

Замелькали кварталы города.

Вдруг под машиной оглушительно грохнуло. Полыхнуло пламя, жар и стена плотного воздуха ударили в лицо. Машину сильно и резко подбросило, и Игорь почувствовал, что от такого толчка вот-вот сломается позвоночник. Машину завернуло, понесло в сторону, и вдруг прямо перед носом «Урала» возник бетонный короб автобусной остановки, и грузовик со страшной силой врезался в него и замер. Игорь ударился головой в кромку крыши кабины, выбивая собой остатки стекла и, потеряв сознание, вылетел по инерции на капот машины.

Эльвира непроизвольно взвизгнула, когда впереди идущий «Урал» вдруг подскочил на огненной туче и в столбе пыли полетел в сторону. Сергей прильнул к рулю, пытаясь пройти через пыль левее неуправляемого грузовика.

– Держись! – выкрикнул он медсестре, и начал выкручивать еще левее, но не смог и ГАЗ-66 на полном ходу зацепил правой стороной борт «Урала». Машину занесло, потом протащило несколько метров с каждым мгновением наклоняя ее все больше, и спустя полсекунды автоперевозочная перевернулась на крышу.

Эльвира уперлась руками в скобу, но всё полетело перед глазами. Она кричала, но понимала, что это никак её не спасет. Вдруг кувырки закончились так же внезапно, как и начались. Ревел двигатель. Эльвира змеей выскользнула из-под машины и вдруг почувствовала, что теряет сознание. В глазах темнело, нужно было прилечь, чтобы выровнялось давление. Эльвира из последних сил, совершенно не отдавая себе отчета зачем она это делает, дотащилась до груды кирпичей, и завалилась за них.

Самвел, увидев как подскочил «Урал» и перевернулась автоперевязочная, повернулся на своего водителя:

– Тормози!

Водитель утопил педаль тормоза и БММ, чертя по дороге резиной, остановилась буквально перед лежащей на крыше автоперевязочной. Пыль от взрыва клубами накатила на них.

Из БММ выскочил Рожков с солдатом, и быстро подскочил к перевернутой машине.

– Заглуши на «шашыге» двигатель! – крикнул водитель БММ сержанту.

Самвел тоже поспешил к машинам, но в этот момент что-то сильно ударило его по шее, и он чуть присел от неожиданности. Откуда-то слева простучала автоматная очередь, а спустя пару секунд еще одна.

Самвел поднял руку к шее, и вдруг ощутил на руке горячую кровь. Ему вдруг стало не по себе. Он понял, что это в него стреляли, и что в него попали.

Самвел испуганно повернулся к сержанту и хрипло крикнул:

– Рожков!

Но сержант возился уже с водителем автоперевязочной, и не слышал Самвела.

– Рожков! – снова повторил врач и с ужасом увидел, что кровь из пробитой шеи уже бьет фонтаном.

Из БММ выскочил еще один боец, который сразу подскочил к Самвелу. Самвел уже почувствовал, как у него мутнеет в голове, и медленно опустился на землю.

– Что? – громко, испуганно спросил солдат, – что с вами, товарищ майор?

– Я, кажется, убит... – прохрипел Самвел. – Помогите мне... всё... всё...

Боец потащил его к боевой медицинской машине и с трудом начал втаскивать теряющее сознание тело в бортовой люк. Слева от дороги снова раздалось выстрелы. По броне БММ ударило несколько пуль, наводя страх на находящихся в машине людей.

Рожков тем временем вытащил из автоперевязочной Сергея, и начал оглядываться, ища глазами невесть куда девшуюся Эльвиру. Над головой прозвенели зудом пули и он, пригнувшись, вскинул автомат и несколько раз выстрелил в сторону.

– Тащи его в машину! – приказал сержант солдату, а сам побежал к «Уралу», надеясь там найти свою медсестру.

Боец волоком потащил водителя к боевой машине. В БММ уже бинтовали шею майору, и Сергея пришлось втиснуть к левому люку, по которому несколько раз ударили пули. Салон боевой машины уже был весь забрызган кровью.

– Все? – крикнул водитель БММ, намереваясь как можно быстрее уехать из простреливаемого пространства.

– Стой пока! – крикнули ему, но водитель все же включил первую скорость и начал выжимать сцепление.

БММ сдвинулась с места, но остановилась – водитель снова утопил сцепление и газовал.

Сержант открыл дверцу «Урала», но в этот момент по нему прошла очередь и он, вскрикнув, повалился под машину.

– Там всех убили! – крикнул водитель БММ, – надо валить отсюда, пока нас тоже не перестреляли!

Нервы не выдерживали и, не дожидаясь ответа, водитель бросил сцепление, и БММ буквально выпрыгнула вперед. БММ взревела дизелем, толкнула автоперевязочную, выскочила на дорогу и ходко пошла вперед.

– Стой! – крикнул кто-то из салона, но водитель не обращал внимания ни на какие крики. Его гнал вперед страх и нарастающая паника.

БММ удалялась. Игорь смотрел ей в след и не мог понять, почему она ушла. Слева неустанно били короткими очередями, и было слышно, как пули шлепают по автоперевязочной и грузовику.

Игорь скатился по капоту за машину и почти с двухметровой высоты упал на дорогу. Упал так, что хрустнули ребра. Игорь с трудом поднялся и открыл дверцу грузовика. На него выпал Костя, который, не издав ни звука, растянулся на дороге и не шевелился. Игорь посмотрел на водителя. Тот сидел, уткнувшись в руль, и тоже не шевелился.

– Господи... – в истерике и нарастающей панике выговорил Игорь. – Как же так?

Он машинально подхватил автомат Кости, и в этот момент услышал, как с другой стороны машины его позвал Рожков:

– Товарищ майор, помогите мне, пожалуйста...

Игорь полез под машиной, решив, что это самый безопасный путь к сержанту. Рожков и сам тоже лежал под машиной и тихонько подвывал. Увидев Игоря, он вцепился в рукав и снова умоляюще выпалил:

– Товарищ майор, помогите мне, они нас бросили, удрали, суки... Меня ранили. Я умираю. Помогите.

Он смотрел на майора глазами, полными животного ужаса.

– Спокойно! – сказал Игорь не столько сержанту, сколько самому себе. – Сейчас я тебя отсюда вытащу...

Он ухватил Рожкова за шиворот и попытался вытащить его на правую сторону грузовика, но вдруг острая боль пронзила ребра. Игорь вскрикнул, но продолжал тащить. Рожков стал помогать ногами, и вскоре им удалось выбраться из-под машины.

– Сейчас нам надо спрятаться куда-нибудь в подвал или дом, – посоветовал Рожков и указал на подвал пятиэтажки, вход в который находился метрах в двадцати от дороги.

Игорь подумал, что не сможет дотащить до подвала раненого сержанта, и спросил его:

– Идти сможешь?

Рожков попытался подняться, но зашелся в кровавом кашле и склонился над землёй, выплевывая на асфальт сгустки крови.

«У него прострелено легкое» – машинально подумал Игорь, – «пневмоторакс».

Отплевавшись, сержант встал, и шатаясь, сам побежал к подвалу. Игорь хотел было поспешить за ним, но вдруг услышал за машиной шорох, а спустя мгновение увидел как из-за «Урала» осторожно выглянул человек в камуфляжной форме и автоматом наперевес. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга.

«Боевик» – мелькнула мысль, – «Это конец».

– Я врач, – тихо прошептал Игорь, пятясь назад. – Не убивай меня...

– Сдохни.

Чеченец вскинул автомат и выстрелил прямо в грудь Игоря.

Игорь почувствовал, как его тело разорвалось страшной болью. Несколько ударов пришлось в грудь, руки, живот. Мгновение он продолжал стоять и апатично смотреть, как чеченец шагнул дальше, уверенный в том, что русский больше не опасен...

– Мама... – прошептал Игорь, понимая, что получил смертельное ранение, и жить ему осталось какое-то мгновение.

Он еще мог стоять на ногах, но повалился на дорогу, показывая чеченцу, что убит и последней своей мыслью надеясь, что еще сможет добраться до помощи... лишь бы больше в него не стреляли...

Чеченец несколько раз выстрелил по убегающему Рожкову, и когда тот упал, пошел добывать сержанта, оставив Игоря у себя за спиной.

Игорь из последних сил повернулся на бок и, понимая, что терять уже нечего, направил ствол автомата на отходящего боевика. Автомат дернулся в руках и совершенно отчетливо Игорь увидел, как его пули порвали на спине чеченца бушлат и боевик завалился лицом вниз.

Игорь попытался отползти в сторону. Через пару мгновений он заполз за машину и прислонился спиной к стене. Боль рвала грудь, живот и руки. Он уже почти не чувствовал своих рук и автомат выпал на асфальт. Игорь был не в силах поднять его. В глазах стало темнеть, и Игорь понимал, что это от большой кровопотери, понимал, что это – смерть...

– Прости меня, Света... – прошептал он, – прости любимая... как глупо я погиб...

Он апатично посмотрел в сторону и вдруг увидел огромное, заходящее за горизонт, красное солнце. Подумалось, что легко умирать, увидев закат. Игорь отрешенно смотрел на солнце, которое с каждым мгновением таяло за девятиэтажкой.

С последним лучом солнца Игорь как смог вздохнул, стараясь продлить свой век, но зашелся в кровавом кашле и, спустя мгновение, опустил голову на растерзанную пулями грудь, и затих.

Мимо него прошел еще один боевик, ткнул ногой, выстрелил в бездыханное тело еще раз и пошел дальше, туда, где лежал подстреленный Игорем чеченец.

Эльвира, увидев как чеченец убил Игоря, подскочила из своего укрытия и побежала к пятиэтажке. За пылевым облаком ей удалось незамеченной добраться до дома и заскочить в подъезд. Там она стала бить в двери:

– Откройте!

Одна из дверей оказалась не запертой, и Эльвира влетела в пустую квартиру. Она забежала во все комнаты, но везде видела лишь голые стены и оконные проемы без стекол. В одной из комнат запнулась за что-то и упала. Пол в комнате был вскрыт, и она завалилась в эту дыру, затаилась, и уже не вставала, закрыв голову руками и боясь даже шелохнуться.

С улицы раздалось еще несколько выстрелов, услышав которые, девушка лишь сильнее вжималась в пол и чувствовала, как ее сердце от ужаса готово вот-вот выскочить наружу. В виски бешеными ударами била кровь, а все тело трясло от страха.

– Мапочка... – шептала Эльвира, – мапочка...

В квартире раздались шаги. Чеченцы, видимо, решили проверить на всякий случай дом. Кто-то прошел в соседнюю комнату и сразу вышел прочь. Медсестра оглушенная разворотом событий вжималась в дыру, боясь поднять головы. Её трясла мелкая дрожь, стучали зубы. Она забилась в угол как мышь, закрыла глаза и ждала, ждала в любое мгновение смертельную очередь в спину.

Сколько Эльвира провела в таком состоянии, она не могла определить. Ясно было только одно – уже была глубокая ночь. Эльвира прислушалась к звукам улицы, но ничего не было слышно. Тогда она набрала в легкие воздух и, пересилив себя, встала. Чего ей стоило встать, знала только она.

Эльвира прошла осторожно к окну и посмотрела на дорогу. На дороге ярким огнем догорали две машины. Людей не было видно. Эльвира перекрестилась и только сейчас заметила, что на ней висит автомат. Она вспомнила, как надо заряжать оружие и привела автомат в готовность, загнав в патрон в ствол. Отрешенная от всего она нашла в себе силы выйти из дома.

Возле второго подъезда лежал труп Рожкова. Сержант лежал лицом вниз, раскинув руки. Блики огня горящих машин плясали на стенах дома, снегу и насмерть перепуганном лице Эльвиры. Она шагнула дальше и увидела огромную лужу крови, переходящую в след волочения.

Еще дальше она увидела привалившегося к стене Игоря Янина. Она хотела позвать его, но вдруг поняла, что майор мертв, и это еще сильнее напугало Эльвиру. Понимание того, что эти люди еще буквально совсем недавно были живы, а теперь лежат без признаков жизни, давило на нервы.

Вскоре Эльвира услышала звук двигателей приближающихся машин и еще через несколько мгновений увидела, как из-за поворота показалась БМП, за ней вторая, а дальше «Урал». Эльвира осталась стоять, опустив руки.

Первая БМП проскочила мимо нее немного дальше и остановилась, перекрыв собой улицу. Вторая почти вплотную подошла к горящим машинам, и из неё высыпали солдаты. Бойцы разбрелись по всему месту происшествия.

– Мальчики... – Эльвира почувствовала дикую слабость, окутавшую ее тело, – мальчики, я своя, не убивайте меня...

Когда ее подхватил лейтенант, она разрыдалась и опустилась на дорогу без сил.

– Они всех убили, – только и смогла она сказать.

– Где «чехи»? – жестко спросил ее лейтенант, но Эльвира уже не реагировала ни на какие вопросы. Она лишь вяло показала рукой направление, с которого велся по ним огонь.

Ее посадили в БМП и дали выпить водки, а через час она уже сидела на кушетке медпункта двадцать первой бригады, и капала сама себе йод на сбитые руки, и время от времени в который раз начинала рыдать.

– Ранена? – спросил кто-то властным голосом.

Эльвира подняла глаза, и увидела командира бригады. Фоменко выглядел сильно усталым человеком и смотрел на неё абсолютно безразличным взглядом. Это не было настоящим безразличием, просто человек не спал пять суток, а все это время постоянно должен был принимать, и принимал решения, выполняя которые гибли его подчиненные. Все это вместе наложило на него отпечаток апатии к человеческому существу, и в первую очередь к самому себе. Грязная, трясущаяся, обмочившаяся, перепуганная боем медсестра, была просто песчинкой, на фоне двадцати восьми человек, погибших в бригаде только за последние сутки.

– Поверь, сестренка, эти бараны заплатят за нападение на машины Красного Креста! Я найду их. Никуда им отсюда не деться!

Фоменко повернулся и ушел. Эльвира посмотрела ему в след и снова расплакалась.

Глава вторая

Астапов долго крутил телеграмму в руках. Смотрел и так, и эдак. Он отказывался верить в то, что было в ней написано. Этого в принципе не должно было быть. Игорь не мог оказаться на переднем крае. Он не мог быть убитым. Ведь он развернул отделение в Моздоке! А ведь Моздок так далеко от войны!

До обеда Вадим Иванович носил телеграмму в кармане, не зная как показать её Светлане. Он перебрал в голове массу разных слов, но все равно не смог найти нужных. Ничего не получалось сложить на словах, но и столько тянуть уже было нельзя.

После обеда он, наконец, набрался решимости, и вошел в хирургическое отделение. Света сидела за столом, и что-то писала.

Вадим Иванович присел на край стула, и сам того не ожидая, спросил:

– Светлана Юрьевна, у вас еще много работы на сегодня?

Света подняла на начальника глаза.

– Закончить отчет за январь надо, обойти больных, а что?

Астапов не смог посмотреть ей в глаза, и теперь рассматривал плакаты на стене. Он ответил не сразу.

– Пришла телеграмма.

Света непонимающе посмотрела на него, и переспросила:

– Какая телеграмма?

– Вот эта, – Астапов выложил на стол телеграмму, и тут же добавил: – Но это еще не точно, может быть ошибка какая-нибудь?

Света развернула телеграмму, ощущая в ней уже что-то плохое, и вдруг буквы поплыли у неё перед глазами. Света не сразу поняла смысла прочитанного, а, поняв, вдруг почувствовала, как ей становится плохо.

– Игорька моего убили... – глухо сказала она, и встала со стула.

Астапов поспешил посадить ее обратно, и тут же побежал к раковине, набрать воды.

Света еще раз перечитала телеграмму, и несколько минут совершенно с виду спокойно, смотрела на суетящегося возле нее начальника.

– Может это ошибка? – снова повторил Астапов, подсовывая Свете стакан с водой.

Она машинально взяла стакан, поднесла ко рту, но тут же стакан вырвался из руки и упал на пол, разбившись на мелкие осколки, разлив воду по плиточному полу.

– Игоря убили... – вдруг громко завывала Света, и уткнула лицо в ладони. – Как же так? Как же так?

– Это ошибка, Светлана Юрьевна, вот увидите – придет еще другая телеграмма, опровержение... – Астапов сам не верил, что говорил. Просто он не знал, что нужно было сейчас говорить.

Он встал, и начал искать что-нибудь сердечное, всерьез опасаясь за возможный приступ от таких известий.

Света надрывно всхлипывала и выла. Она залила слезами уже не имевший для нее никакого значения журнал с отчетом за прошедший месяц, и потом совсем уронила голову на стол.

– Игорь... Игорь... – только и повторяла она сквозь всхлипы и слезы.

Вадим Иванович встал сзади, и положил свою ладонь на плечо Светы. В этот момент он вдруг почувствовал, что сам частично виноват в гибели Игоря. Вспомнил, как неделю назад так некрасиво обошелся со Светой на плацу, когда она подошла к нему просить, чтобы Игоря в Чечню не отправляли...

– Света, прости... – прошептал он, – прости...

Света просидела за столом час. Когда уже слёз не оставалось, она подошла к раковине и умыла лицо. Все это время Вадим Иванович находился рядом, и старался хоть как-то морально поддержать ее...

– Когда его привезут? – холодным голосом спросила она.

– Пока не сказали, – с готовностью отозвался Астапов.

– Его нужно хоронить на его родине. Его нужно везти туда, – так же холодно продолжила Света.

– Да, да, конечно, – согласился Вадим Иванович.

– Мне нужны деньги, чтобы ехать на родину Игоря.

– Разумеется. Я сейчас схожу в финотдел...

Света оделась и вышла из отделения. Астапов не стал ее останавливать и спрашивать, куда она пошла.

Света вышла из госпиталя и медленно пошла в сторону общежития. Она смотрела вниз, боясь поднять глаза, полные слез. Мысли не покидали её. Все казалось не реальным, казалось, что все, что происходит с ней сейчас – это сон.

Так не должно было быть! Игорь ведь говорил, что будет сидеть в госпитале и не высываться! Ведь он совсем не похож на головорезов из бригады спецназа, большинство из которых просто рвутся в бой, и не представляют свою жизнь без острых ощущений! Игорь ведь простой гражданский человек, хоть и военный врач. Как такое могло быть?

Света не заметила, как вошла в забегаловку.

– Налей мне водки, – попросила она официантку.

Света присела за столик, и украдкой вытирала слезы. Когда официантка принесла водки, Света выпила сразу одну за другой три рюмки и закусила лимоном. Одинокое и отрешенное она смотрела, как официантка обслуживает заходящих время от времени посетителей. Хорошо ей – бегай, да деньги считай...

В забегаловку, смеясь, вошли Лунин и молодой переводчик.

– Привет медицине! – громко сказал Дима, и подсел к Свете. – Как дела? О чем скучаешь?

– У меня Игоря убили, – глухо сказала Света, и опустила глаза.

Лунин сидел с натянутой улыбкой, и подумал на мгновение, что Света пошутила.

– Как убили? – наконец дошло до него.

– Убили... – Света разревелась и, вытирая платком, начала вытирать им слезы.

– Что такое? – весело подсел Нартов, не слышавший начало разговора.

– Игоря убили, – сообщил Дима.

Боясь в такую минуту наговорить лишнего, Олег счел нужным просто промолчать. Тем более, что Игоря он лично не знал.

Свету проводили домой, и когда она осталась одна, то повалилась на койку и уже без слез просто смотрела в потолок.

Никогда больше Игорь не обнимет её, и не согреет своим теплом... никогда она не сможет иметь от него прекрасных ребятишек... никогда она не услышит от него слова любви...

Никогда!

Не хотелось есть, и не хотелось вообще что-то делать. Света со злостью выключила трещащее о чем-то радио.

– Господи! За что? За что ты забрал его у меня? Ну что он сделал такого плохого?

Света уткнулась в подушку. Слез не было. Время от времени на неё нападала волна бессмысленности, бессмысленности дальнейшего своего существования.

В час ночи Света встала с койки и прошла к шкафу, в котором хранилась кухонная утварь. Через мгновение она уже держала в руках хлебный нож. Нож был с лазерной заточкой и без труда, лишь легким нажатием, разрезал буханку хлеба. Света посмотрела на лезвие. Одним взмахом можно перерезать сонную артерию и яремную вену, после чего останется жить не

больше одной – двух минут. Зачем жить без любимого человека? Зачем теперь нужна эта ничемная жизнь? Зачем эта комната? Зачем этот госпиталь? Зачем это звездное небо? Зачем это все? Для кого? Нет больше любимого человека, и все это теперь совсем не нужно...

Ничего теперь не может радовать. Ничего теперь не может придать сил, и поддержать в трудную минуту.

Света холодно посмотрела на нож, и спустя мгновение примерила сталь к своей шее. Но что-то остановило ее от опрометчивого поступка.

Света отбросила нож.

– Прости, – прошептала она, – Игорь, если ты меня слышишь, прости...

В пять утра она уснула, но проспала не долго. В семь часов она поднялась и пошла в госпиталь. В госпитале она обошла больных, стараясь держаться как можно спокойней, но её красные глаза и резкость в движениях выдавали нервное потрясение. В госпитале уже все знали про её беду и старались даже лишним жестом не напоминать ей о горе.

Перед обедом пришла еще одна телеграмма, в которой сообщалось, что труп Игоря повезут на его родину – на Урал. Света пошла в отдел кадров, оформлять документы на отъезд на похороны.

В Чечню Олег поехал только через полтора месяца, когда была готова к отправке на войну еще одна рота. Место основного базирования отряда к этому времени перенесли из Моздока в горы Чечни, в район между населенными пунктами Махкеты и Сельментаузен, где уже находился штаб сто восьмого парашютно-десантного полка и отряд сорок пятого разведывательного полка воздушно-десантных войск. В самом Махкеты стоял сто четвертый парашютно-десантный полк. Роты десантников к этому времени почти все сидели в горах от Элистанжи до Улус-Керта – блокировали передвижения остатков бандгрупп после недавнего прорыва боевиков на веденское направление. Пару недель назад второй батальон сто четвертого полка встал на пути продвижения основной массы боевиков, принял тяжелый бой, в котором понес тяжелые потери. В полку погибло более девяносто человек, в том числе, практически полностью – шестая рота, и поэтому штабом группировки войск было принято решение перебросить в горы на усиление десантников отряд специального назначения ГРУ. Выбор пал на отдельный отряд подполковника Романова.

В течение нескольких дней отряд перебазировали из Моздока в эти горы. Еще неделя ушла на обживание нового места и проведение нескольких разведывательных выходов для ознакомления с местностью. Начало боевой работы совпало с прилетом роты капитана Иванова.

Прибывшая рота начала ставить палатки, а офицеры собрались в палатке ПХД, где развернулась масштабная пьянка, приуроченная к прибытию роты.

Водки было много. Заместитель командира отряда по работе с личным составом майор Шевченко назвал водку главным оружием чеченских боевиков, и добавил, что это оружие нужно уничтожать. После чего поднял налитый до краев стакан:

– За нашу победу!

Все кто был в палатке, встали, и дружно опрокинули содержимое кружек и стаканов в свои простуженные глотки.

Олег Нартов почувствовал, как к желудку потекла огненная река, и поморщился.

– Не кривись! – кто-то хлопнул Олега по спине, кто-то захохотал...

– Порядок, – промямлил Олег, доставая вилкой тушенку из банки.

Дима Лунин налил Олегу еще полкружки, и Олег поморщился снова. Первая кружка была выпита им с трудом, а развитие событий вполне ясно давало понять, что это только небольшая прелюдия к основной попойке.

Отказываться не хотелось просто из уважения к находящемуся здесь коллективу. Отказаться, значит плюнуть на общество, которое было строго щепетильно в этом вопросе. Попробуй не выпить с капитаном Самойловым за его друзей, погибших пять лет назад во время первого штурма Грозного!

Олег налег, было на тушенку, но Лунин его остановил:

– Эй, военный! Не превращай закуску в еду!

За Луниным в проходе стоял ящик тушенки, но то была тушенка на завтра, послезавтра...

Олег положил вилку на стол.

– Закусывать по команде! – съязвил Шевченко, услышав реплику Лунина.

Майор Шевченко в тесном кругу офицеров сейчас был выше всех по должности, а потому как бы являлся руководителем «мероприятия». Если бы его сейчас в палатке не было, все это можно было бы смело назвать банальной попойкой, а на утро построить весь офицерский «кворум», и устроить длительное промывание мозгов с показательным наказанием командиров, особо отличившихся в употреблении спиртного. Но так как Шевченко все же присутствовал, и как бы представлял в своем лице руководящий состав отряда, то и «пьянкой» это назвать уже никак было нельзя. «Мероприятие» – и точка. Со всеми вытекающими отсюда выводами и последствиями.

После второй кружки Олег понял, что ему уже достаточно. Обглодав корку хлеба, он скромно взял на кончик ножа маленький кусочек тушенки. Взгляд уже не фиксировался на одном месте, «плавал». Начались позывы к рвоте. Этого еще не хватало...

Олег повернулся назад, ища место для возможной рвоты. Сзади него была только остывающая печка, и куча дров. Разве что на дрова...

Офицеры, разомлевшие от выпитого, начали оживленно переговариваться. Командир второй роты отряда, которая уже провоевала здесь полтора месяца, капитан Самойлов, рассказывал об особенностях штурма Грозного во время первой кампании. Несколько человек слушали его, вытянув шеи.

– Город горит, рота морпехов окружена, вызволять надо, а нас всего двадцать, что делать? «Махра», слава Богу, во время подоспела. Как дали чеченам!

Лунин рассказывал, как провел несколько последних дней перед отправкой, с девочками:

– ...а я ей говорю: поворачивайся на живот...

Командир только что прибывшей первой роты капитан Глеб Иванов сидел молча, и как-то грустно смотрел на Олега. Нартов заметил его взгляд и спросил:

– Почему вы на меня так смотрите?

– Жалко мне тебя, парень... – как-то действительно сожалеюще, сказал Глеб.

– А чего меня жалеть? – спросил Олег.

– Ты – гражданский человек, – тихо сказал Глеб, – На войне тебе делать нечего.

Олег хотел спросить, почему он так думает, но тут поднялся Шевченко:

– Товарищи офицеры, третий!

Все зашевелились, начали подниматься. Олег последовал примеру и, толкаясь, встал. С ужасом посмотрел на свои полкружки водки и подумал, что его точно будут выносить.

Шевченко, больше ни слова не говоря, выпил. Олег знал, что сейчас надо выпить так, чтобы ничего в кружке не осталось. Традиция.

Водка не лезла в горло. Организм противился, но Олег, собрав волю в кулак, выпил до дна. Сев на ящик от снарядов, служивший стулом, понял, что уже сам встать не сможет.

Иванов подмигнул:

– Это только начало...

– А что будет еще? – спросил Олег, чувствуя, как заплетается язык.

– Кроме водки еще будет война.

– Война уже есть, – возразил Олег.

Ему показалось странным, что Глеб говорит о войне, как о чем-то еще не начавшемся. Ведь война началась в августе, а сейчас уже март...

– Война есть для тех, кто воюет. А я, ты и вся моя рота еще не воевали. Для нас войны пока нет. Она только ждет нас. Ждет наши души. Ждет наши тела. Ждет наши жизни...

Олег знал, что Иванов воевал в ту, первую, войну, был ранен и уж точно он знал, что есть война. Олег хотел что-то спросить, но почему-то задал совсем глупый вопрос:

– Товарищ капитан, а на войне страшно?

Сидевший рядом с Олегом Лунин на миг повернулся, посмотрел на Олега глазами полными презрения и снова отвернулся. Олег уже как-то задавал Лунину этот вопрос.

– Сейчас тебе страшно? – спросил Глеб.

Олег прислушался к себе.

– Нет.

– В бою тоже не страшно. Если инициатива за тобой. Если охотник – ты.

– А на войне?

Глеб не ответил на вопрос и продолжил свой монолог:

– Сейчас тебе не страшно потому, что ты выпил водки. Если ты не будешь пить здесь водку, то от страха сойдешь с ума. А еще ты сойдешь с ума оттого, что здесь увидишь. Ты не человек войны. Тебе это не надо видеть. Но придется.

– Например? – спросил Олег.

Глеб не ответил. Он начал пережевывать тушенку, а потом опять долго молчал. Олег дотянулся до банки с кашей и подцепил немного на вилку. Проглотил, не чувствуя вкуса. Посмотрел на Иванова. Глеб спросил:

– Зачем ты согласился ехать сюда?

– У меня есть подруга, на которой я хочу жениться, – сказал Олег. – У нас было все хорошо, но потом я застал ее с парнем. Будто мир перевернулся. Она мне сказала, что я тряпка, не могу постоять за себя, а все потому, что я не служил в армии.

– И ты решил ей что-то доказать?

– Да. Я пошел в военкомат, и сказал, что хочу служить.

– И тебя, выпускника МГИМО взяли в армию?

– Военком тоже удивился. Еще больше он удивился, когда мой папа приехал к нему...

– А кто у нас папа?

– Советник министра иностранных дел.

– Кто??? – Иванов чуть не поперхнулся.

– Советник министра.

– Олег, ты дурак.

– Дурак и тряпка, – кивнул Нартов. – Поэтому к военкому приехал папа, и согласившись с моим решением отслужить в армии, попросил военкома заслать меня подальше от Чечни – на Дальний Восток. Оказалось, что Чечня нашла меня и там.

– А что же папа?

– Я родителям ничего не стал говорить.

– А что подруга? Она же знает, что ты в армии.

– Говорит, что зауважала меня за мой выбор и ждет меня.

Иванов хмыкнул, но не стал комментировать ответ Нартова.

– Да и ненадолго мы здесь, – рассуждая, сказал Олег. – На каких-то три месяца...

– Эти три месяца могут показаться тебе вечностью.

Олег повертел головой, не соглашаясь с Глебом:

– Нет. Три месяца, это три месяца. Когда-нибудь они все равно закончатся. К тому же уже прошло три дня, как мы прилетели. Проходит все, пройдет и это.

Глеб покачал головой:

– Но ты все же гражданский человек, и знать что такое война, тебе вряд ли надо.
– Не знаю. Мне кажется, что в жизни надо посмотреть все.
– Да, но кроме кошмаров войны. Война – это слишком плохое зрелище, чтобы хотеть на него посмотреть...

Вдруг Олег почувствовал, как к горлу подкатился приступ рвоты. Он, толкнув чуть Лунина, повернулся назад, и его вырвало прямо на аккуратно сложенные дрова у печки – «буржуйки». Прокашлялся.

– Это кто там? – спросил Шевченко, услышав знакомый звук. – Не вижу...

– Переводчик наш... – отозвался Иванов. – Пить еще не умеет...

– Выведите его на свежий воздух. Пусть немного проветрится...

Иванов выбрался из-за стола и, подхватив Олега, пошел к выходу.

Снаружи было довольно прохладно. Небо было звездное и чистое.

– Освежись, – сказал Иванов.

– Мне уже лучше, – сказал Олег, вдохнув свежего воздуха.

Иванов посмотрел на горы и вдруг указал на вершины, хорошо видимые на фоне неба:

– За горами Улус-Керт. Три недели назад там, в горах, почти полностью погибла рота второго батальона сто четвертого полка. Капитан вдруг повернулся к Олегу и, глядя в глаза, прямо спросил: – А ты готов вот прямо здесь и сейчас умереть?

Олег попытался представить себе, как это будет выглядеть, но не смог, и сказал:

– Наверно, нет. Я не знаю...

– Парни там тоже не хотели умирать. Они были окружены. Почти сутки они бились в полном окружении. Когда духи перебили почти всех, оставшиеся в живых вызвали на себя огонь полковой артиллерии. Снаряды смешали там всех с землей. И наших парней и боевиков, и деревья, и кусты...

– Прямо как в кино, – восхищенно сказал Олег.

– В кино актеры умирают понарошку. А там, вон на тех сопках, их совсем не понарошку перемешало с землей. Два дня к ним не могли пробиться. Там погиб мой друг, с которым я вместе прослужил два года, прежде чем перейти в спецназ. Редкой души человек...

– Прости. Я не знал, – сказал Олег.

– Война забирает лучших людей, – задумчиво проговорил Глеб.

Иванов долго смотрел на вершины гор, а Олег больше не решался с ним заговорить. Но, спустя несколько минут, Глеб повернулся:

– Ты освежился?

– Да, – кивнул Олег. – Только пить больше не могу.

– Твое дело.

– А как на меня мужики смотреть будут?

– Не думай об этом.

– Как не думать? Лунин все подливает и подливает...

– Не хочешь – не пей. Им больше достанется...

Они вошли в палатку и сели на свои места. Олега кружка уже была наполнена на половину. Олег еще пару раз пригубил водку, но больше только имитируя питье. Лунин заметил это и потрепал его за плечо:

– Это Кавказ, Олег, страна вина и чачи. Пей.

– Я не хочу. Не могу больше.

– Значит ты не джигит, – усмехнулся Дима.

– Не джигит, – согласился Олег.

Лунин, утратив к Олегу интерес, повернулся к прежним собеседникам.

Олег снова уперся во взгляд Иванова. Глеб смотрел с сожалением и Олег не мог понять, почему он так на него смотрит.

– Ты же молод. Совсем еще молод, – тихо сказал Глеб, – Зачем тебе эта война. Что, не было другой работы?

– В армию меня призвали на два года, – объяснил Олег. – В штабе округа меня распределили в вашу бригаду.

– Значит, ты есть «пиджак», – сказал Глеб.

– Кто? – не понял Олег.

– Так мы называем лейтенантов-двухгодичников, которые закончили гражданский ВУЗ с военной кафедрой, – объяснил Глеб.

– Ну, значит, «пиджак», – согласился Олег, не зная точно, является ли это слово оскорбительным или же совсем не несет на себе никакого оскорбления.

– Ты – гражданский человек, и тебе нечего делать в армии, а тем более в спецназе, – сказал Глеб.

– Я это уже весь вечер слышу, – попробовал огрызнуться Олег.

– Пока я жив, буду говорить тебе это, не умолкая! Тебе нечего делать в армии! А уж тем более тебе нечего делать на войне! Попомни мои слова – придет время, и ты сам поймешь, что война это совсем не то, что показывают по телевизору, или пишут в книгах. Война это самое настоящее дерьмо, по своему смыслу. Только вот гребут это дерьмо лучшие люди... и умирают в этом дерьме. И никто о них потом не вспомнит. Наливай!

– У меня есть...

– Мне наливай!

Олег налил Иванову полкружки и тот махом выпил.

Нартов почувствовал, как наливаются тяжестью его веки, и как его вдруг страшно потянуло в сон. Спустя мгновение его локоть сорвался со стола, выдавая утрату контроля.

– Ты спишь? – спросил Глеб.

– Нет, – Олег открыл глаза и уставился на Глеба.

– Рано еще спать, – наставительно сказал Глеб.

– Я и не думал спать...

Олег поднял голову выше, но глаза стали предательски закрываться, и его снова мягко потянуло в сон, с которым ему становилось бороться все сложнее и сложнее.

Это увидел Шевченко и громко сказал:

– У нас потери! Лунин! Проводи военного до шконки...

Дима повернулся к Олегу, и встал:

– Пошли, красавчик...

Олег сам встал, и, шатаясь из стороны в сторону, пошел к выходу. Дрова были в рвоте. «Кто же это убирать будет?» – подумал он.

Не останавливаясь, он вышел из палатки. Дима уже ждал его. Лунин и сам был уже в изрядном подпитии, а потому передвижение началось с взаимного выравнивания и поддержания.

– Где наш боевой блиндаж? – спросил, икая, Дима.

– Не знаю, – отозвался Олег.

– Будем искать.

Вскоре в полной темноте они заблудились окончательно.

– Да где этот чертов блиндаж? – Дима озираясь по сторонам, но не мог понять, куда они забрели. Утешало одно – лагерь был обнесен колючей проволокой и системой сигнализации, а потому за пределы выйти было не возможно.

Где-то неподалеку тарахтел дизель-генератор, который питал электричеством расположение отряда.

– Где-то я его видел тут, – заплетаясь, сказал Олег.

– Наряд! – вдруг громко крикнул Дима, потеряв всякую надежду найти блиндаж самостоятельно.

– Я! – отозвался кто-то в темноте.

Это был часовой. Через полминуты он подошел.

– Где мы? – спросил его Дима.

– Возле склада инженерного имущества.

– А где наш блин... блиндаж.

– А какой вам надо? – Солдат, наконец, приблизился на столько, что его уже можно было разглядеть. Он был в бронежилете и каске. Автомат висел на плече на сильно отпущенном ремне.

– Нам наш нужен, – доходчиво объяснил Лунин.

– Пойдемте.

Часовой пошел в темноту. Офицеры еле поспевали за ним, как вдруг из темноты бесшумно выскользнул командир отряда подполковник Романов. Он встал перед шатающимися офицерами. Несколько мгновений рассматривал обоих.

– Нажрались? – прямо спросил он.

Лунин отпрянул:

– В пределах допустимого уровня, товарищ подполковник.

– Смотри, Лунин, завтра чтобы как штык был. Понял?

– Так точно.

– Что с этим? – спросил Романов, указывая на икнувшего Олега.

– С непривычки, товарищ подполковник...

Лунин отвечал за Нартова, а Олег тем временем отвернулся, и его снова вырвало.

– Офицеры! – с издевкой протянул Романов, и пошел своей дорогой.

Когда он удалился на значительное расстояние, Лунин произнес осторожно:

– Вот черт дернул! Теперь будет меня каждый раз подкалывать, вот мол, старший лейтенант Лунин напился до поросычьего визга...

Вскоре они спустились в свой блиндаж. При свете лампочки Олег продрал глаза, разглядел, где находится его спальник, и завалился на нары, не раздеваясь. Дима хотел, было вернуться на пьянку, но передумал, и тоже завалился спать. Через минуту они уже храпели. Лампочка продолжала гореть. Её просто некому было выключить.

Во сне Олег перевернулся на другой бок. Ему ничего не снилось. Казалось, что он летит в пропасть, но и это видение быстро прошло. Пошли четвертые сутки его пребывания в Чечне...

Ночью где-то недалеко вдруг бабахнуло. Олег приподнял голову, прислушался. Голова звенела, а снаружи блиндажа больше никаких звуков не было слышно. Олег дотянулся до Лунина:

– Дима, проснись!

– А? – Лунин непонимающе посмотрел на Олега: – Чего тебе?

– Там что-то взорвали.

– Ну и что?

– Это нападение чеченцев?

– Это мина взорвалась. Наверно кто-то зашел на минное поле... спи давай.

Дима отвернулся и перестал шевелиться. Олег прикрыл глаза, как тут же снаружи донеслась пулеметная очередь.

– Дима, там точно кто-то есть. Пулемет стреляет!

– Пусть стреляет, – не поворачиваясь, ответил Дима. – Если там кто-то есть, то объявят тревогу. Если что-то незначительное, караул сам справится.

Дима уснул. Олег поворочался немного, и тоже забылся во сне.

Утром его растолкал Лунин:

– Вставай, алкоголик. Развод скоро.

Голова гудела, и каждое движение отдавалось наплывом боли. Олег встал с нар, и умылся в дачном умывальнике, прибитом к стойке. Утро уже было в самом разгаре. Недалеко от блиндажа дымила походная кухня, возле которой возились два солдата. Олег направился к ним:

– Когда завтрак?

Бойцы переглянулись:

– Завтрак уже был, товарищ лейтенант!

– Осталось что-нибудь?

– Нет, все раздали. Осталось только тем, кто сейчас на задаче.

– А чай есть? – спросил Олег упавшим голосом.

Ему налили в кружку горячего чая, и Олег пошел в палатку-столовую. В палатке все так же стояли сдвинутые снарядные ящики. За ними на сбитых деревянных лавках спали два сильно перепивших офицера. Так же в палатке находились два солдата, один из которых складывал весь мусор в ящик, а другой растапливал печку. Этот боец потянулся рукой за дровами и попал пальцами в рвоту.

– Пьют здесь до рвоты, а ты потом убирай за ними... – в сердцах выругался солдат.

Олегу стало неловко, но он промолчал. Солдат увидел Олега и спросил:

– Товарищ лейтенант, у вас закурить есть?

Олег молча вытащил из кармана начатую пачку, и протянул солдату. Боец как бы случайно вытянул три сигаретки, и взглянул на Олега.

– Бери... – разрешил Олег, посчитав это хоть какой-то расплатой за то, что боец убирал его рвоту.

Олег попробовал чай. Присутствие сахара угадывалось с большим трудом. Хлеб был четырехдневной свежести. Наверно нужно было взять сухари...

Желудок противился пище, но Олег доел с трудом хлеб, и выпил теплый чай. Тем временем солдат-уборщик дошел до Олега, и спросил:

– Разрешите убрать?

– Конечно... – Олег подскочил и отошел в сторону.

Боец стряхнул со стола крошки, которые остались после Олега.

В палатку заглянул Иванов.

– Чего так долго? – спросил он у бойцов.

– Уже заканчиваем, – отозвался уборщик.

– Все равно долго.

Капитан подошел к печке, и потрогал брезентовую стенку палатки. Повернулся к бойцу, топившему печку:

– Не загорится?

Боец помотал головой.

– Смотри, а то из твоей зарплаты стоимость палатки высчитаю...

Иванов повернулся к Нартову:

– Доброе утро.

Олег вымученно поднял голову:

– Кому доброе...

– Позавтракал?

– Чаю попил. На кухне говорят, что все закончилось.

– Что-о? – по-блатному протянул капитан, – Они там припухли, что-ли?

Иванов метнул взгляд на одного из бойцов:

– Ты, метнулся на ПХД, повара сюда быстро!

Солдат выскочил из палатки.

Иванов улыбнулся:

– Конец поваряткам...

Через полминуты в палатку вбежал запыхавшийся поваренок.

Глеб посмотрел на него:

– Фамилия?

– Рядовой Бардин.

– Боец, как так получилось, что у тебя остался не накормленным офицер?

– Мы всех накормили... – сказал повар, но, скосив глаза на Нартова, добавил: – Всех, кто на завтрак пришел...

– Я так понял, что обязанности свои ты не выполняешь, да? – Иванов сменил тон с нейтрального на явно агрессивный.

– Исполняю, товарищ капитан! – громко ответил повар.

– Ты, наверное, в роту захотел вернуться?

– Никак нет, товарищ капитан!

– Если нет, тогда завтрак сюда, живо!

– Есть!

Повар убежал. Иванов достал фляжку.

– Будешь? – спросил он Нартова.

– Нет, – покачал головой Олег. – Не могу...

В палатку вбежал повар с котелком в руках:

– Товарищ капитан, вот, нашлось...

– Свободен, боец, – кивнул Иванов.

Боец вышел. Олег взял котелок и ложку.

– Ну, спасибо.

Олег перемешал кашу. Есть не хотелось.

Иванов прямо из фляжки сделал несколько глотков и, забрав у Олега ложку, начал закусывать кашей. Пережевывая, сказал:

– Тушенку они, что-ли, в кашу не доложили...

Иванов коснулся рукава солдата, топившего печку:

– Слышь, боец, позови ко мне поваренка. Быстро!

Через полминуты в палатку снова заглянул солдат с кухни:

– Рядовой Бардин по вашему приказанию прибыл.

– Ты явно в роту хочешь, солдат!

Тот промолчал.

– Где тушенка в каше?

– Как было...

– Мне не надо, как было. Мне надо с тушенкой!

– Разрешите принести?

– Бегом!

Бардин убежал. Иванов передал истопнику котелок:

– Выброси кашу в печку!

Боец, недоумевая, вывалил содержимое котелка в печку. Каша весело зашипела на горящих поленьях. Запахло жареным мясом. Олег посмотрел на капитана:

– Он нам принесет, а тем, кто сейчас на задаче, ничего не достанется...

– Они от этого не сдохнут. Зато вот этот военный научится выполнять свои обязанности точно и в срок.

– Зачем же так делать? – спросил Олег тихо, стараясь, чтобы его не слышали солдаты.

– Чтобы знали, что есть такое понятие, как дисциплина, – невозмутимо отозвался Глеб. – На этот счет есть такая уникальная штука – Устав.

– А зачем подставлять всех? Ведь можно наказать только виновного?!

– Понимаешь... а так быстрее до них доходит. Коллектив, так сказать, помогает...

– Они ведь его убьют...

– Не переживай. Не убьют.

Вошел солдат с кухни. Поставив котелок на стол, доложил:

– Товарищ капитан, ваше приказание выполнено.

Иванов заглянул в котелок:

– Вот это совсем другое дело. Мясо наблюдаю. Только почему каша холодная?

Солдат тяжело вздохнул. Олег буквально почувствовал, как у парня все кипит внутри.

– Потому что она остыла, товарищ капитан. Март, к вашему сведению, на улице, – отозвался солдат, явно подавляя в себе желание, ответить капитану чем-нибудь тяжелым.

– Ладно, иди, – махнул Глеб рукой.

Солдат вышел.

– Зачем вы его так? – спросил Олег.

Глеб проигнорировал вопрос. Повернулся к Олегу:

– Кашу будешь?

– Я не хочу есть то, что оставили для выполняющих задание в чеченских тылах. Парни голодными останутся.

– О, как ты заговорил. Черт с тобой.

Иванов вытряхнул и эту кашу в печку.

– Пошли...

Они вышли из палатки и, пройдя по проходу между палаток срочников, вышли к машинам связи и дальше к позициям артиллерии сто четвертого парашютно-десантного полка. Олег обернулся на капитана:

– Что нам тут делать?

– Поговорим.

– О чем?

– О жизни.

– Можно поговорить в блиндаже.

– Я не хочу, чтобы нас кто-либо слышал. Поэтому и привел тебя сюда.

– Ну, тогда говорите.

Глеб мгновение помедлил, а потом хмуро сказал:

– Ты, Олег неправильно относишься к срочникам.

– А как надо?

– Надо так, чтобы они видели в тебе командира. Нельзя с ними сюсюкаться, нельзя делать им поблажки. Иначе они начнут расслабляться. А на войне нет ничего хуже, чем расслабленный солдат.

– А не кажется вам, товарищ капитан, что такими действиями вы унижаете их человеческое достоинство?

– Кажется. Ну и что?

– И продолжаете это делать?

– Да. И буду продолжать. Потому что я хочу, чтобы эти мальчишки вернулись домой живыми.

– А где тут взаимосвязь?

– Я уже сказал – в их расслаблении. Вы, товарищ лейтенант, считаете меня извергом и вырождением рода человеческого. Пусть будет так. Но это только сейчас я вырождение и изверг. После войны, если нам повезет, и мы доживем до конца, я уже не буду вырождением. Бойцы будут говорить мне спасибо, что я их держал в рамках, что не давал расслабляться. К примеру, не далее как позавчера в семьдесят четвертой мотострелковой бригаде бойцы на блокпосту расслабились, напились, и их почти всех вырезали боевики. Так что постоянное напряжение призвано

для того, чтобы в какой-то момент спасти жизнь. Расслабление же спасти жизнь не может. А напряжение нужно поддерживать всеми доступными способами. Поверь. Иначе будешь здесь жить как баран на заклание – убьют, ну и черт с ним. А так же нельзя!

– Сейчас мне трудно это понять, – признался Олег.

– Молодец, что хоть понимаешь, то, что сразу очень трудно понять. Но скоро ты поймешь и это. Просто кое-что я хочу объяснить тебе немного раньше, чтобы ты не учился на своих ошибках.

Олег вопросительно посмотрел на Глеба. Иванов продолжил:

– Ты, Олег, лейтенант, офицер, командир. Не забывай это никогда. Командир создан для того, чтобы командовать. А ты командовать пока не умеешь. Солдаты не дали тебе кашу! Есть у них каша или нет, тебя это не должно волновать! Подошел, залепил оплеуху, если по-другому не хотят понимать, и поставил задачу на появление каши. Это приказ. Понял? Родить кашу их прямая обязанность. Они для этого на кухню и посажены. Не могут работать на кухне – пусть, тогда, как все, бегает по горам, и не плачет, если их там подстрелит боевик. Не хочешь бегать по горам, тогда будь добр, нормально кормить людей. Родить кашу это приказ. Приказ должен быть выполнен. Если боец сейчас не выполняет приказ, то, что тогда будет в бою? А в бою, брат, невыполнение приказа порой смерти подобно...

– А что, бить обязательно?

– Это у утрировано. Но иногда надо. А то некоторые военные порой утрачивают чувство подчиненности командиру... а это надо пресекать на корню.

– Ладно вы, а если Романов начнет бить своих офицеров?

– Если надо, то за ним не заржавеет.

– Я просто не могу это себе представить.

– Ничего, скоро представишь.

Олег промолчал. Он смотрел на позиции артиллерии. На позиции копошились десантники, видимо, готовились к стрельбе.

– Ты хоть понял, о чем мы тут с тобой двадцать минут говорили? – спросил Иванов.

– Понял, – кивнул Олег, – мне нужно быть с бойцами построже.

На позиции артиллерии офицер громко крикнул:

– Заряд полный!

– Стрелять будут? – спросил Олег.

– Да.

Глеб, прищурившись, посмотрел в горы.

Олег же смотрел как «Ноны» начали поворачивать башни в сторону, куда смотрел Глеб.

– В кого будут стрелять? – спросил Олег.

– Не знаю. Сегодня ночью ушла в горы группа лейтенанта Мишина. Наверно они что-то обнаружили, и просят огня. Или их обнаружили...

Глеб указал на две стоящие рядом вершины:

– Группа должна была пройти по склонам этих гор. Туда наверно и будет работать артиллерия...

Олег усмехнулся. Слово «работать» приобретало на войне совсем непривычный для него смысл.

– Давай отойдем, – предложил Глеб. – Начнут палить – заложит уши.

Они отошли к палаткам, и тут же раздался первый залп орудий. Восемь стволов ударили почти одновременно, и поэтому звук получился растянутым, как удар грома. Олег почувствовал, как колыхнулся морозный воздух, и в лицо мягко ударила воздушная волна от выстрелов. Олег впервые в жизни наблюдал, как работает артиллерия, и ему было это интересно. Он смотрел, как стоящие на минимальном клиренсе «Ноны» качнулись, как откатились, и снова встали на место стволы орудий.

– Красиво, – выдохнул Олег.

– Смотри туда! – указал Глеб в сторону гор. – Сейчас упадут...

Через некоторое время на склоне горы появились разрывы. Снаряды легли довольно плотно. Орудия сделали еще три залпа, и замолчали...

– Красиво, – повторил Олег.

После разговора с Ивановым, Нартов зашел в штабную палатку. Там находился командир отряда, начальник штаба майор Шумов, и дежурный радист. Офицеры сидели за столом с картой района, и пили чай.

– Чего пришел? – спросил Романов.

– А что мне делать? – спросил Олег.

– Обживайся пока, присматривайся, – отмахнулся Романов. – Почитай устав. Будешь нужен – тебе сообщат.

Олег понял, что ему сейчас остается только спать, и пошел в свой блиндаж. Там он растянулся на нарах и прикрыл глаза. Он уже знал, что в армии считается лучшим лекарством от безделья здоровый и продолжительный сон. В блиндаже было холодно, а дров на печку не было, разве что на растопку. Интересно, кто занимается вопросами отопления? Олега быстро потянуло в сон, и он уснул.

Проснулся Олег через пару часов от скрипа тормозов. Встал. Голова болела, но уже не так, как утром. Возле штабной палатки стоял грузовик, из которого выпрыгивали на землю разведчики в серых от грязи маскахалатах. Мишин построил свою группу и повернулся к Романову:

– Товарищ подполковник, шестьсот двенадцатая разведывательная группа специального назначения боевую задачу выполнила. Потерь нет.

Олег подошел поближе, и почти шепотом спросил стоящего с краю разведчика:

– Нашли чего?

Разведчик зло посмотрел на Нартова и отвернулся, давая понять, что разговаривать не намерен. Олег подумал, что результаты разведки могут быть секретны, и не стал допытываться.

Романов поблагодарил разведчиков за службу, и разрешил после приема пищи выспаться. Подошел Кириллов, и собрал у всех промедол. Начальник службы вооружения капитан Красильников проследил, чтобы все сдали в ружпарк оружие и боеприпасы.

Нартова окликнул Романов:

– Переводчик! Иди сюда...

Олег вошел в палатку. На разложенной карте Олег увидел ворох каких-то измятых бумаг, которые сейчас разбирали Романов, Шумов и Иванов. Романов спросил:

– Сможешь перевести?

Глеб протянул Олегу две пластиковые карточки, на которых были цветные фото анфас, и надписи на арабском языке.

– Удостоверения? – спросил Романов.

Олег кивнул:

– Да, удостоверения. Вот на этой написано, что какой-то Азиз является моджахедом, а на этой Али аль Рашид нечто вроде старшего моджахеда, командир роты шахидов джихада.

– Арабы? – спросил Шумов.

Олег кивнул.

Глаза Романова загорелись:

– Хороших пташек прихватили. Наемники.

– Вот бы живыми их взять... – мечтательно выговорил Иванов. – Поговорили бы с ними.

Шумов позвал бойца-посыльного:

– Быстро найди Мишина.

Боец убежал.

Командир группы пришел довольно быстро:

– Вызывали?

– Людей накормил? – спросил Иванов.

– Нет. Каши не осталось, – лейтенант развел руками. – Сейчас сухпайком накормлю...

Олег украдкой посмотрел на Иванова, но тот даже ухом не повел. Олегу стало стыдно за себя и за капитана, что они выбросили в печку большую часть каши, предназначенной для разведчиков.

– А арабов зачем всех поубивал? – спросил Романов.

Скачек темы с каши на убийство показался Олегу таким простым и не принужденным, что душу тут же кольнуло какое-то пока еще непонятное чувство обыденности происходящего. Вдруг он совершенно четко представил себе именно этот аспект войны – смерть шла рядом с тем, что, казалось, никоим образом ее не должно было касаться...

– После удара артиллерии они все равно сдаваться не хотели, – оправдываясь, ответил Мишин. – Мы их там еще гранатами закидали, ну, они все и передохли. Кто ж знал, что они такие нежные?

Иванов выудил из вороха бумаг сделанную на ксероксе карту. На карте были отмечены позиции полков, отряда сорок пятого разведывательного полка, лагеря отряда Романова на карте не было. Подполковник взял карту в руки, и покачал головой:

– Наверно это были разведчики Хаттаба или Басаева.

Наверное, было вполне понятно, что в данных условиях разведчики могли быть только того, или другого...

– Духи в машине? – спросил Шумов.

– В машине, – отозвался Мишин.

– Пошли смотреть, – предложил Романов, и все вышли из палатки.

Возле машины остановились, и Романов спросил Олега:

– Ты араба от афганца отличишь?

– Да, – кивнул Олег. – Обычно арабы имеют несколько более европейскую форму лица...

Они шагнули к машинам. Олег вдруг понял, ЧТО ему сейчас предстоит увидеть в кузове, и начал готовить себя к этому: поглубже вздохнул, постарался думать о чем-нибудь постороннем...

Шумов запрыгнул в кузов, и следом за ним заскочил туда же одним махом лейтенант Мишин.

– Этого пришлось добивать... – услышал Олег объяснения Володи.

– Топором, что ли? – спросил Шумов, и от этого вопроса Олег поёжился. Ему стало не по себе, но он все же полез в кузов.

Вначале он увидел рифленую подошву ботинка. Она была еще мало стоптана, что косвенно могло сказать о не очень долгом боевом пути хозяина. Потом Олег увидел штанину. Остальное закрывал собой начальник штаба. Но тут майор повернулся, и Олег увидел всё.

На полу кузова лежали три человеческих тела. Все были одеты в американский горный камуфляж, натовские ботинки, и китайские разгрузочные жилеты. У одного убитого боевика из жилета торчали горлышко обычной стеклянной бутылки и магазин от автомата. Этот был ближе всех, и смотрел мертвыми глазами прямо на Олега. Нартов почувствовал, как по всему телу у него пробежал неприятный холодок при виде этих стеклянных, мертвых глаз. На мгновение Олегу показалось, что боевик жив, и вот-вот начнет шевелиться, но этого не произошло. Мишин, наклонившись, как ни в чем не бывало, копался в его карманах, а потом перевернул труп на бок. Стала видна рана на темени, из которой еще сочилась кровь. Олегу показалось, что череп у человека пуст. Сердце забилося учащенно. Кровь теперь пульсировала в висках, и стучи сердца отдавались по всему телу. По спине пробежала струйка пота. Никогда прежде Олег не имел возможности так подробно наблюдать изуродованный человеческий труп.

Мишин пересел ко второму. У этого лицо было рассечено косым срезом от правой стороны лба и до самого кончика носа. Глаза не было. Наверное, вытек.

Олег понял, что именно про этого боевика спрашивал начальник штаба, упоминая про топор. Мишин, тем временем, вытащил из карманов бушлата пачку сигарет, зажигалку и два трассирующих патрона к автомату. Сигареты и зажигалку он тут же сунул в свой карман, а патроны просто выбросил на землю. Потом он расстегнул расплосованный спереди бушлат, и на пол кузова выпали кишки убитого. Появился тошнотворный запах. Олег понял, что именно так пахнет смерть.

Этого зрелища психика Олега вынести уже не могла. В глазах потемнело, и вдруг Олег повалился от нахлынувшей слабости на откиннутые у борта лавочки. Мишин и Шумов не видели этого, продолжая ковыряться в труп, вытаскивая что-то из его карманов.

Желудок сжался, и Олега вырвало прямо на пол. На лбу появилась холодная испарина. Голова закружилась, и казалось, что вот-вот сознание покинет тело своего хозяина.

Шумов обернулся на звук, и покачал головой:

– Ну вот...

– Все нормально, товарищ майор, – попытался улыбнуться Олег, но его снова стошнило.

– Где же нормально? Так дело не пойдет, – сказал Игорь Шумов и, подхватив Олега, вытащил его из машины.

Усадив его на лавку у входа в палатку штаба, спросил:

– Ты что, трупы никогда раньше не видел?

Олег помотал головой и добавил:

– Они так сильно обезображены.

– Но они же мертвые, чего ты так испугался? Ерунда, через пару дней привыкнешь...

Олег подумал, что привыкнуть к этому не возможно.

– Помашки на него чем-нибудь! – сказал Шумов Мишину.

Лейтенант начал махать руками, нагоняя свежий воздух. Послали за врачом. Олегу дали сигарету убитого, но он раскашлялся.

– Мы схрон гранатами закидали, – заговорил Мишин, как будто продолжая прерванный разговор, – я полез посмотреть. А тут вылезает один, и на меня. Автомат у меня сзади висел, я лопаткой пытался разгрести вход. Ну, я этой лопаткой по черепу ему и отоварил... со всей силы.

– Надо было живым брать, – наставительно сказал Шумов.

– Думали, что в блиндаже еще есть, но пока докопались, они там все уже мертвые были. А тут еще «чехи» откуда ни возьмись. Мы заградительный огонь вызвали, трупы начали вытаскивать, благо, что до бронегруппы было метров пятьсот всего – все три трупа вынести смогли. Потом снова по лагерю огонь вызвали. Видать, артель там еще духов целую кучу накосила...

Олег, слушая Мишина, опять попытался затануться, но снова раскашлялся.

Подошел Саша Кириллов.

– Кто больной?

– Нартову плохо, – сказал Шумов.

Саша посмотрел на Олега, потрогал лоб, для пущей важности измерил пульс. Он понимал, чем было вызвано недомогание, и ждал – вопрос должен был решиться сам собой.

– Жить будешь, – уверенно сказал Саша. – Правда, не знаю сколько...

– Сколько? – спросил Олег, пытаясь улыбнуться.

– Здесь – сколько Аллах отпустит, – усмехнулся врач.

– Спасибо, – ухмыльнулся Олег.

– Сердце не болит?

– Нет.

– Выпей водки, и все пройдет. И близко к сердцу это не принимай. А то с ума сойти можно. Очень даже запросто...

– Я вчера выпил водки, и сейчас не лезет.

– Я понял. Ну, выпей как полезет. Только не переусердствуй. Много народу с войны приходят домой алкоголиками.

– Хорошо, – кивнул Олег.

– Будут проблемы – заходи. И не только по медицинской части. Помогу чем смогу.

Саша ушел. Мишин в это время повернулся в сторону, подскочил, сказал «я сейчас», и побежал к кухне.

Олег выглянул из-за машины, и увидел возле кухни потасовку. Вернувшиеся с задачи разведчики избивали поварят. Причина была Олегу предельно ясна, и ему снова стало стыдно за себя.

– Отставить! – гаркнул Шумов, и драка прекратилась еще до того, как к кухне подбежал Мишин.

Володя успокоил своих лихих хлопцев, и повел всю группу в палатку для проведения воспитательного воздействия.

Поварята утерли разбитые носы, и сидели на раме полевой кухни. Один из них зло посмотрел на Олега. Нартов, не выдержав взгляда, отвернулся. Сейчас ему было обидно оттого, что из-за него пострадал кто-то другой.

Из палатки вышел Романов:

– Чего кричишь? – спросил он Шумова.

– Да у парнишек нервишки шалят. На место ставил...

Романов повернулся к Олегу:

– Нартов, иди посмотри: там еще блокнот есть на арабском. Переведи. Может, чего интересное будет...

Олег прошел в палатку, сел за стол и открыл блокнот. Полистав страницы, он понял, что это обычные выписки из Корана.

– Коран, ничего интересного...

Романов внимательно посмотрел на Олега и спросил его:

– Ты, Олег, по-арабски разговариваешь свободно?

– Да, но любой араб меня сразу раскусит. Мы, русские, не можем правильно произносить некоторые их звуки...

– Значит, на роль араба ты не тянешь?

– В принципе можно, но тогда надо будет имитировать простуженное горло, например.

Романов рассмеялся:

– Ну, ты хитер.

– Стараюсь быть полезным, и не зря жрать свою кашу... – усмехнулся Олег.

– Ну, а все же?

– У меня черты лица славянские. Сразу раскусят...

– Бороду отрасти, – предложил Романов.

– А вдруг она у меня рыжая? Да и вообще, зачем?

– У меня относительно тебя есть одна задумка, но это связано с определенной долей риска. Дело, как ты понимаешь, добровольное...

– А что надо делать? Внедряться в банду?

– Нет. Внедряться никуда не надо. Нужно будет просто время от времени разговаривать с боевиками... Короче, если согласен, то начинай отращивать бороду. Результат может быть отличный. В лучшем случае мы сможем брать полевых командиров в кроватках тепленькими, и без стрельбы. В худшем – просто получим хорошую информацию. Все ясно?

– Ясно.

– Подробности доведу позже.

Олег вышел из палатки, и в этот момент из грузовика выбрался Володя Мишин с ворохом вещей, снятых с убитых боевиков. Появился Иванов, и поманил Володю пальцем. Тот подошел. Капитан спросил:

– Что у тебя тут?

Мишин бросил вещи на землю, и Иванов начал копошиться в них. Увидев попутно Нартова, Глеб махнул ему рукой, приглашая подойти. Олег подошел. В этот момент Глеб рассматривал американский штык-нож М-9. Мишин покачал головой:

– Товарищ капитан, я хотел этот нож своему сержанту подарить. Он заработал.

– Ладно, – Глеб бросил нож в кучу, и вытащил оттуда разгрузочный жилет китайского производства. В отличие от подавляющего большинства китайских вещей славящихся низким качеством, этот жилет был сработан на совесть. Из кармана торчало горлышко бутылки. – А это?

– Это просил радист, – отозвался Володя.

– Обойдется радист, – Иванов свернул жилет, и вдруг сунул его в руки Олега: – На, носи на здоровье...

Олег машинально взял жилет, и спросил капитана:

– Может радисту отдать? Ведь ему нужнее...

Володя при этих словах жалостливо посмотрел на своего ротного, но капитан был неумолим:

– Обойдется! Как, кстати, он смог так быстро посадить аккумуляторы на радиостанции?

– Не знаю, – буркнул Мишин, понимая, что пререкаться сейчас было себе дороже. Капитан вспомнил про батареи только для того, чтобы поставить ретивого группника¹ на свое место.

– Остальное забирай, – махнул Глеб рукой и Мишин, пока командир не передумал, сгреб вещи в кучу и убежал к своим бойцам.

Иванов посмотрел на Олега:

– Ну и чего ты скис? Опять срочников жалко? Запомни: солдат жалеть нельзя. Их беречь надо. Это еще Суворов сказал...

– А сейчас от чего вы их уберегли?

– От зазнайства. Раз побывали в бою, а уже им трофеи подавай! Рано! Пусть вкусят войну чуть больше. Пусть осознают что это...

– А мне тогда разгрузка за что?

– Привыкай к ней. Удобная.

– Ну, мне же в бой не ходить!

– Это как сказать... – Глеб хлопнул Олега по спине, и в этот момент Олег прочитал в его глазах опять ту необъяснимую грусть. Снова ему показалось, что капитан жалеет своего собеседника.

В блиндаже Олег развернул разгрузку. Жилет был сделан таким образом, что его по необходимости можно было подогнать под любую фигуру. Для этого стоило только подтянуть или удлинить регулировочные ремешки. Спереди и сзади было нашито множество карманов: четыре двойных под магазины, четыре под гранаты, один под радиостанцию, один под нож, один под фляжку, и еще один под перевязочный пакет. Олег вытащил из кармана бутылку и понюхал содержимое. Это оказалось обыкновенной водой. В одном из карманов Олег нашел недописанное письмо, в котором Азиз жаловался, что здесь, в Чечне, все совсем не так, как описывали вербовщики. Судя по письму, Азиз хотел дезертировать домой, но не знал куда идти, чтобы не нарваться на гяуров или карательные группы Хаттаба.

– Нарвался на гяуров... – тихо сказал Олег.

¹ Слэнг – "группник" – значит "командир группы".

Олег отнес письмо командиру, вкратце рассказал суть письма, и снова вернулся в блиндаж. Сев на нары и расшнуровав ботинки, он снова вспомнил увиденное в машине. Ему снова стало не по себе. Сейчас Олег начал вспоминать детали, на которые тогда не обратил внимание. Это и кровь на полу машины, со следами ботинок разведчиков, и маленькие дырочки на бушлатах боевиков, и абсолютное отсутствие отвращения у копошившихся чуть ли не во внутренностях у боевиков Мишина и Шумова. Олега передернуло.

Снаружи загремели котелки. Начался обед. В блиндаж заскочил Лунин:

– Обедать пойдешь?

– Не знаю... – отозвался Олег.

– Пошли, – потянул его Лунин. – Там на месте разберешься...

Олег сел на нарах, и спросил Диму:

– А что ты чувствовал, когда впервые увидел развороченный труп?

Лунин пожал плечами:

– Что я мог чувствовать? Он хотел меня убить, но получилось так, что завалил его я. В Афгане это еще было. Очередью из автомата башку ему снес в упор. А ты что, видел «чехов», которых Мишин привез?

– Видел. Меня от них стошнило.

– А, ерунда! Нормально это. Пройдет со временем...

Лунин увидел жилет, и восхищенно стал его рассматривать:

– Где взял?

– Иванов подарил. С трупа сняли.

– О, голубчик, значит, с нами в горы скоро пойдешь...

– Я? В горы? Да я и стрелять толком не умею! Три раза в жизни автомат в руках держал. Да и дышалки моей не хватит, с вами по горам бегать. Меня же никто не готовил как бойца!

– Займись собой сам. Спасение утопающего – дело рук самого утопающего. Стрелять научишься, к горам привыкнешь. Чего ты распереживался? Идти боишься? Все ходят, а ты что – особенный?

– Я же простой переводчик при штабе. Зачем мне ходить на задание?

– Значит так надо.

– Кому надо?

Дима усмехнулся:

– Родине надо. Пошли обедать.

Поваренок с разбитым носом и синяком под глазом, налил Олегу черпак супа и кружку чаю.

– Спасибо, – сказал Олег.

Солдат не ответил.

В палатке ПХД уже сидело десятка два офицеров и пришлось потеснить некоторых, что бы присесть за стол. После обеда Лунин повел Олега за палатки к позициям артиллерии, там, где был устроен тир. В этот момент там стреляли разведчики недавно прибывшей первой роты. Подошел Иванов.

– Чем могу?

– Ему надо пострелять, – сказал за Олега Лунин.

– Легко, – согласился капитан и спустя мгновение вручил Нартову автомат с примкнутым магазином. – Держи.

Олег взял автомат. Судя по весу, магазин был полный. Пока бойцы устанавливали новые мишени, Олег несколько раз примерился к автомату в сторону сопки.

Подошел Лунин:

– Готов?

– Да вроде...

Нартов стрелял часа два. Это занятие его увлекло, и он попробовал пострелять из всего, в том числе и из новейшей снайперской крупнокалиберной винтовки, которую недавно прислали в отряд и которую в бою еще пока не использовали. «Взломщик» так толкнул в плечо, что Олег даже сдвинулся назад. Он вскочил, и ухватился за отбитый сустав.

– Надо было лучше прижимать! – засмеялся Лунин.

Вечером бойцы Лунина натаскали в блиндаж дров и растопили печку так, что она раскалилась докрасна. Дровами служили ящики от снарядов, израсходованных «Нонами» сто четвертого полка. Артиллеристы делиться ящиками не особенно хотели, но разведчикам удалось их переубедить.

Нартов разделся и смотрел в крохотное зеркало на синяки на своих плечах, набитые прикладами автомата, пулемета и винтовками.

Дима критично осмотрел Олега, и спросил:

– Ты что такой худой и бледный?

– Таким уродился... – пожал плечами Олег. Себя Олег никогда не считал худым и бледным, но на фоне физически очень хорошо развитых офицеров спецназа он смотрелся все же не ахти.

– Надо тобой заняться. Хотя и поздно уже.

Они подогрели на печке банку тушенки и съели с хлебом, запивая чаем. Ближе к десяти часам в блиндаж спустились остальные жители: Володя Мишин, Глеб Иванов, лейтенант Витя Данилов и три сержанта-контрактника из роты Иванова. В блиндаже стало тесно. Везде сушились развешанные портянки, носки, перчатки, штаны и куртки. Запахло человеческим потом и еще чем-то кислым.

Олега толкнул Мишин:

– Ну что, не трясет тебя больше?

– Из-за трупов? Пока нет.

– А чего же тебя так тошнило? – Олег уловил в голосе Володи нотки издевательства.

– Перепил вчера, вот и полезло...

– А штаны ты не намочил, а? – Мишин захохотал. Его поддержал Данилов.

– Прекрати! – повернулся к смеющимся Иванов. – Себя вспомни...

– Меня хоть не тошнило так... – оправдываясь, ответил Володя.

– Зато и слова сказать не мог. Мычал всё... а Олег говорил, и не терялся. – Иванов усмехнулся.

Олег молча слушал, как препираются ротный и командир группы.

– Да, но я сам тогда «духа» завалил, а он только смотрел на трупы.

– Ага, только не забывай, что тебя четыре года специально этому учили, а он в спецназе человек случайный. Его удел работать головой, а не руками.

– Все равно.

– Хорош базарить! – наконец не выдержал Глеб. – Заткнись.

Мишин замолчал, но зло посмотрел на Олега. Нартову этот взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Вот напьюсь и набью тебе рожу, – сказал вдруг Володя.

– За что? – спросил Олег.

– За то, что мне твоя рожа не нравится!

– Остынь! – повернулся капитан к Мишину. – Или я тебя сам остужу!

Олег подумал, что если сейчас не ответить достойно Мишину, то потом все так и будут относиться к нему с издевкой.

– Попробуй! – запальчиво отозвался Олег. – Мне твоя рожа тоже не нравится...

– Ты видел, командир? Я по горам бегаю, голову свою под пули подставляю, а этот сопляк сидит тут, и еще ему что-то не нравится! – вдруг Володя подался чуть вперед и, размахнувшись, залепил Олегу в челюсть.

Нартов от удара повалился на нары.

– Стоять! – крикнул Иванов, пытаясь остановить шагнувшего к нарам Мишина, но лейтенант подскочил к Олегу, и снова влепил ему в челюсть.

Олег, только что вставший, снова повалился спиной на нары. Лунин, Данилов и контрактники сидели молча, и в потасовку не лезли.

– Он еще и пацанов моих каши сегодня лишил! – крикнул Мишин, и размахнулся в третий раз.

Олег, вспомнив свои университетские занятия боксом, поднырнул под руку, и провел короткий, но мощный хук в нос Володе. Брызнула кровь. Мишин по началу опешил, но он был из тех, кто на кровь в бою внимание не обращал, и снова буром попер на Олега, нанося удары в грудь и голову.

Иванов набросился на Мишина, и оттащил его от нар, на которых сжался в комок Олег.

– Убью, падла! – истерично крикнул Володя, но Глеб взял его локтевым сгибом на удушение и тот присмирел, прошипел сквозь зубы: – Все, командир, все...

Лунин поднял Олега и повернул его на свет. У Нартова был разбит нос, порвана губа и под глазом была краснота, которая буквально на глазах наливалась в большой синяк. Олег потряс головой. Голова гудела. Он приложил к носу и губе подушечку от перевязочного пакета, и смахнул вдруг появившуюся слезу. Ему стало невыносимо обидно. За что получил?

– Дурак ты, – сказал Олег сквозь марлю.

– Да ты... – начал было Мишин, но Иванов резко оборвал его:

– Заткнитесь оба! Горячие финские парни...

Лунин вдруг рассмеялся:

– Этот на задачу раз сходил, а этот трупы первый раз увидел, а уже нашли причину поругаться! А что, парни, с вами будет, когда вы действительно воевать начнете? Стрелять друг в друга будете? На войне нервы беречь надо. И так есть где их тратить...

Олег пожал плечами:

– Лично я против него ничего не имею.

– Зато я имею, – отозвался Володя, – Пиджак! Защититься не можешь, а еще считаешь себя разведчиком!

– Я его научу, он тебя за пару секунд делать будет! – сказал Мишину Дима.

– Пусть только попробует, башку откручу, как котенку.

– Ты, наверно, только котяткам и можешь головы вертеть... – не удержался от язвы Олег.

– Заткнитесь, я сказал! – Иванов вышел из терпения.

– Иди, умойся, – посоветовал Лунин Олегу, но, взглянув на Мишина, добавил и ему: – И ты тоже нос свой отмой. В кровищи все.

Олег умылся, и вытер лицо полотенцем. Глаза были красные от обиды. Из ничего разгорелся такой конфликт. Лейтенант, сходивший на боевую операцию, просто нашел способ снять психологическую нагрузку...

Свет погасили. Кто-то долго ворочался в темноте. Олег долго не мог уснуть. В голову лезли яркие картины пережитого дня – то трупы в грузовике, то драка с Мишиным, то разговор с Романовым. «Куда я попал?» подумал, засыпая, Олег. Больше всего он сейчас хотел уснуть, и проснуться дома. Чтобы вся эта война на поверку оказалась просто кошмарным сном...

Утром всех поднял длинный автомобильный гудок. Олег усмехнулся спросонья:

– Как в древности рабочих по утрам на завод созывали...

– А разве у нас не работа? – спросил его Иванов. – Война – это самая тяжелая, самая ответственная, самая нужная работа...

– Уж лучше без войны как-нибудь... – сказал Лунин.

– Без войны в России как-то не получается... – усмехнулся Глеб.

Олег полез умываться, и в зеркало разглядел синяк под глазом. Не обнаружив в блиндаже Мишина, Нартов спросил Глеба:

– А Мишин всегда такой?

– В бою побудешь, и сам таким станешь...

Глеб склонился над еще спавшим Даниловым.

– Витя, вставай, пора в школу...

– А? Что? – подскочил лейтенант.

– Поднимайся, хорош балдеть...

Витя встал и, посмотрев на Олега, сказал:

– Здорово ты вчера...

Олег покачал головой:

– Ничего здорового.

Рана на губе была довольно глубокой и болела. Синяк под глазом расплылся больше некуда.

На разводе Романов подошел к Нартову, и сразу спросил:

– Кто посмел?

– Бытовая травма, – ответил Олег.

– Это ты Кириллову расскажешь, а я должен знать с кем по ночам бьется мой переводчик, от здоровья которого зависит успех многих важнейших операций.

– Юрий Борисович, я все проблемы стараюсь решать сам. – Олег глянул в глаза командиру.

Романов встал перед строем отряда, и громко сказал:

– В моем отряде три десятка офицеров и больше сотни бойцов. Все вы являетесь отличными разведчиками и диверсантами, но кроме вас у меня есть один, голову которого я ценю выше головы каждого из вас. Пусть он и не заканчивал военного училища, но он первоклассный специалист своего дела. Если у него возникают в отряде какие-либо проблемы, то это так же и мои проблемы. Если у кого-то из вас появилась по разным причинам неприязнь к нему, жду после развода в палатке штаба. Общими усилиями мы эту неприязнь преодолеем. Ясно?

– Так точно! – отозвалась сотня с лишним глоток, хотя значение этих слов поняли единицы.

– Ну и нормально.

После развода Олег зашел в штаб, где ему дали переводить ворох бумаг. Некоторые листы были залиты кровью. Шумов пояснил:

– Группа роты Самойлова приволокла сегодня ночью. Взяли у боевика. Отдавать не хотел, – начальник штаба усмехнулся.

В штабной палатке было тепло. Олег снял бушлат и сел за стол. Просмотрев листы, он повернулся к командиру:

– Товарищ подполковник, здесь два письма и ведомость на получение денег боевиками. Вот фамилии наемников, вот заработанная сумма. По три – четыре тысячи...

– Интересно, – Романов взял листы и стал их рассматривать.

– По четыре штуки баксов получают... – вздохнул Шумов. – Нам бы так платили...

– Каков противник, так и платят! – усмехнулся Романов. – Им с нами воевать сложнее, чем нам с ними. У нас авиация, артиллерия, а у них только горы и злость...

В этот момент в палатку вошел Мишин. Он зло взглянул на Нартова, и подошел к командиру.

– Чего надо? – спросил Романов.

– Это я ему нарезал, – Володя кивнул в сторону Нартова, который втянул голову в плечи. – Он первый начал...

– Нартов, выйди, – сказал Романов.

Олег поспешил покинуть палатку и, выходя, услышал глухой звук удара. Мишин утробно вскрикнул. Потом Романов зашипел на него:

– Ты что, гнида, делаешь? Переводчик у меня один, а группников, как ты – много! Его голова дороже ваших вместе взятых. Еще раз такое повторится – пришибу на месте. Ты, Мишин, меня знаешь... Свободен.

Володя выскочил из палатки, зажимая рукой разбитый нос. Не сказав ничего, он побежал прочь.

– Нартов заходи!

Олег вошел и сел на свое место.

– Юрий Борисович, зачем вы его так? Я сам могу решить такие проблемы.

– Помолчи, а? Пока ты их решишь, еще не раз в пятак получишь, а я все уладил за полсекунды.

– Теперь он будет говорить всем, что я на него наступал...

– И это тебя тревожит? Да не думай об этом. Ты с ним не на всю жизнь... и детей тебе с ним не крестить...

Олег промолчал. Он чувствовал себя последним подонком, который перевел личное дело в общественную плоскость, и таким образом решил его.

После обеда Нартов снова пошел стрелять, и отстрелял там три боекомплекта из автомата. Уши заложило, и по дороге в штаб его чуть было не задавил разворачивающийся «Урал». Водитель высунулся из окна и хрипло крикнул:

– Тебе жить надоело? – это был контрактник, который позволял себе так обращаться к нарушителям правил движения...

В штабе Шумов сказал Олегу:

– Вечером заступаешь дежурным офицером по отряду.

– Что я должен делать?

– Дежурить. Проверять несение службы караулом и нарядами. Будить нашего радиста, – Шумов указал в сторону дежурного радиста, упавшего головой на стол. Радист поднял голову и зевнул.

– Ясно. Когда заступать?

– В шесть вечера развод. А сейчас можешь пока выспаться и подготовиться. Свободен.

Олег спустился в свой блиндаж. На нарах уже лежали Лунин и Мишин. Дима спал, а Володя хмуро сказал:

– А бошку я тебе разобью...

Олег не стал с ним разговаривать и, завалившись на нары, уснул.

В пять часов всех поднял Иванов. Лунин надел на себя разгрузочный жилет, рюкзак, под «разгрузку» вложил бесшумный пистолет ПБ.

– Ты на задачу? – спросил Олег.

Дима кивнул.

– А я сегодня дежурным по отряду, – сказал Олег.

– Смотри, чтоб радист сеансы связи не проспал, как уже было пару раз, – напутствовал Дима и ушел.

Олег пошел в палатку службы РАВ и получил у Красильникова пистолет. Вложив пистолет в кобуру, Олег появился перед начальником штаба. Тот критически осмотрел его и сказал:

– Запомни, Нартов, ты на сутки становишься вторым человеком в отряде после командира. Все твои указания должны выполняться всеми офицерами и солдатами. Если что слу-

чится, я, конечно, помогу тебе, но и ты сам должен уметь принимать правильные решения. Понятно?

– Понятно.

Оказалось, что Мишин заступал начальником караула со своей группой. На разводе Шумов осмотрел всех и провел короткий инструктаж:

– Здесь устав караульной службы действует, как и везде! Только дополнительно приказываю: ночью, если кто-то появится снаружи ограждения, вначале стрелять, а потом спрашивать «кто идет?». Ясно? Стрелять, особенно ночью, при любом подозрении на опасность. Разбираться будем потом. Мне надо чтобы вы все домой живыми вернулись. Ясно?

– Так точно, – отозвался заступающий наряд.

Мишин повел своих бойцов в палатку караула. Олег вошел в палатку штаба. Романов в это время говорил по телефону с командиром артиллерийского дивизиона сто четвертого полка.

– Через три часа твои мужики должны стоять у орудий в готовности к немедленному открытию огня по запросу разведгруппы. Цели прежние. Виды огня буду указывать отдельно.

Романов на миг оторвался от трубки, и спросил Олега:

– Готов?

– Да, я уже с развода.

– Все, сиди здесь, – и снова заговорил с артиллеристами.

Олег сел у печки. В палатку заглянули два бойца: старый и новый посыльный по штабу. Один доложил Нартову:

– Товарищ лейтенант, все, мы поменялись...

– Дрова принесли? – спросил Олег, указывая на довольно хилую кучку дров у печки.

– Сейчас принесем.

– Вот как принесете, так и сменитесь, – сказал Олег, подумав, не перегибает ли он палку. Бойцы ушли искать дрова.

Олег раскрыл дверцу печки и пошуровал стальной кочергой догорающие головешки. Часть горячей золы высыпалась на металлический лист под дверцей.

– Только штаб не спали... – предупредил Романов.

Олег улыбнулся:

– Не в свое дежурство...

– Тоже верно, – кивнул Романов.

Бойцы принесли наломанных досок от снарядных ящиков.

Олег отпустил сменившегося бойца, а новый немедленно попросил у Нартова закурить. Олег угостил его, и тот вышел из палатки курить снаружи. Вошел Лунин, весь обвешанный гранатами, магазинами, дымовыми шашками и сигнальными ракетами. В руках он держал выданную начальником связи малогабаритную иностранную радиостанцию «Кенвуд» для связи внутри группы. Таких радиостанций в отряде было штук сорок – перед отправкой на войну их любезно предоставили в виде спонсорской помощи предприниматели, ранее проходившие службу в бригаде специального назначения и пожелавшие хоть в чем-то облегчить жизнь своих бывших сослуживцев, уезжавших воевать. Рации были компактными, удобными, обеспечивали необходимый уровень связи внутри группы. Дима как раз переговаривался со своим сержантом, проверяя станцию.

Романов повернулся к нему, и Дима доложил:

– Товарищ подполковник, шестьсот одиннадцатая разведгруппа специального назначения построена. Командир группы старший лейтенант Лунин.

Все вышли из палатки, перед входом которой и были выстроены бойцы. Десять человек стояли в одну шеренгу, и Романов быстро осмотрел всех. Появившийся Кириллов раздал разведчикам промедол.

Олег смотрел на разведчиков, совсем еще мальчишек, и пытался сам себе доказать, что эти люди через час с небольшим будут выведены в горы, где хозяйничают боевики. Что, возможно, этот выход для некоторых, а то и для всех, может стать последним. Что это далеко не игры, а уже серьезная, мужская работа.

Но почему-то в реальность происходящего верилось с трудом. Олег не мог уложить в сознание, что эти двадцатилетние парни пойдут сейчас в самую пасть врага. И что могут там встретить свой последний бой.

Вдруг что-то защемило сердце: появилось видение, что все они лежат пробитые пулями и осколками, что они обожжены и залиты кровью. На миг показалось, что все они мертвы. И стоптанная совсем немного рифленая подошва горного ботинка...

Олег помотал головой. Ну и привидится же!

Романов встал перед строем:

– Кто считает, что не готов сегодня выполнять боевую задачу?

Разведчики промолчали.

– Есть больные? Смелее! Если кто-то не уверен в себе, шаг вперед. Не накажу. С кем не бывает. Пойдете в другой раз...

Снова никто не шелохнулся.

– Ну, тогда с Богом.

Романов пожал Лунину руку:

– Береги людей.

– Хорошо, – кивнул Дима.

Иванов, как командир роты, провожал группу тоже. Он посадил бойцов в машину и пожал каждому руку. Пожелал удачи.

Вскоре «Урал» в сопровождении еще двух грузовиков, вооруженных автоматическими гранатометами и крупнокалиберными пулеметами, ушел за ворота отряда, и через пять минут небольшая колонна скрылась в наступающей темноте.

– Нам обязательно нужна бронетехника, – сказал Романов, глядя в сторону ушедшей группы. – Где бы нам ее взять?

Олег просидел в теплой палатке довольно долго. Он успел посмотреть по телевизору «Поле чудес», потом час изучал карту района действий отряда, потом привалился на топчан, и глаза начали медленно закрываться. В таком виде его и застал Шумов.

– Иди караул проверь.

Олег молча накинул бушлат, и вышел из палатки. Ночь была прохладной. Олег поежился. На входе в палатку караула стоял боец. Олег представился и тот, узнав Нартова, пропустил его вовнутрь.

Мишин сидел за столиком и читал книгу.

– Я с проверкой, – как-то не уверенно сказал Олег.

Володя повернулся, и с презрением выговорил:

– Послал Аллах проверяющего...

Сказав это, он снова уткнулся в книгу и внимания на Нартова не обращал. Олег заметил, что как таковой бодрствующей смены в карауле не было – спали практически все, что было явным нарушением устава. Олег не замедлил этим воспользоваться.

– Почему все спят? – спросил он.

– А когда им спать? – спросил Мишин со злостью в голосе.

– Когда положено, – твердо отозвался Олег.

– На положено у нас наложено.

Нартов прекрасно понимал, что и без того замученные бойцы должны хоть когда-то выспаться, но он хорошо помнил наущение Иванова.

– Поднимай бодрствующую смену.

– Чего? – Мишин сверкнул глазами. – Больше тебе ничего не поднять?

Олег заметил, что за их диалогом следят проснувшиеся разведчики.

– Поднимай, не спорь...

– А то что? Романову жаловаться побежишь?

Олег понимал, что он сейчас наделен правом приказывать Мишину, но тот плевать хотел на все его приказы. Как его заставить выполнить приказ, Олег еще не знал. Нартов взял со стола постовую ведомость и раскрыл её там, где записывались выявленные в ходе несения службы недостатки.

– Значит, не будешь поднимать людей?

– Так точно, – развязно ответил Володя.

– Хорошо, – Олег достал из кармана ручку и склонился над постовой ведомостью. – Так и запишем. А потом делай, что хочешь...

– Ну, ты и гад, – прошипел Мишин и повернулся к нарам: – «Бодрянка», подъем...

Встали три разведчика. Они тоже посмотрели на Нартова с нескрываемой ненавистью.

– А теперь проверим несение службы на постах, – заявил Олег.

– Ну, ты... – Володя выругался, но встал и накинул бушлат. – Пошли...

Мишин взял автомат, и они вышли из палатки. Володя быстрым шагом направился к воротам из лагеря, выходившим к дороге на Махкеты. Там в окопе сидели два бойца. Они, как и положено, окликнули выходящих с базы. Володя буркнул что-то невнятное и подошел к ним вплотную.

– Как дела?

Один боец указал рукой в сторону горы, за которой был Сельментаузен:

– Там кто-то шарахается в темноте.

– Почему не доложил?

– Я только что доложил помощнику, вас в караулке уже не было. Вы уже к нам вышли.

Мишин кивнул. Олег всматривался в темноту, но ничего не мог рассмотреть. Увидев у солдат ночной бинокль, он понял, отчего они такие глазастые.

– Дай сюда... – Мишин взял бинокль и стал смотреть в сторону, куда ему показывал часовой. – Ага, вижу...

– Что? – спросил Олег, но Мишин не обратил на вопрос никакого внимания.

Лишь спустя минуту начальник караула сказал:

– Двое, за кустами. Не пойму чего они там делают. – Володя повернулся к часовым: – Винтовка есть?

– Снайпер отдыхает.

– Ах, да...

Вдруг Мишин быстро сунул Олегу в руки бинокль, и указал примерное направление.

Олег стал всматриваться по кустам, и вскоре разглядел две склонившиеся человеческие фигуры. Фигуры копошились у земли, и время от времени привставали.

– Ты, – Володя ткнул пальцем в одного из солдат: – Бегом в караулку, неси сюда «винторез» с ночным прицелом. Пацанов не буди. Сами управимся.

Боец выбрался из окопа и убежал. Мишин забрал у Олега бинокль и стал рассматривать фигуры, приговаривая:

– Кто же к нам в гости захотел?

Олег почувствовал, как забились в висках кровь. Вот это всё реально! Вот, в трехстах метрах, у кустов, сидят враги. Враги, с которыми идет война. Те, кого нужно УБИВАТЬ. Убивать для того, чтобы они не убили тебя самого...

Вдруг Олег подумал, что это могут быть и совсем не боевики. А вдруг это просто заблудились простые мирные жители?

– А это точно боевики? – спросил Мишина Олег.

– Какая разница? – Мишин пожал плечами. – Здесь запрещено передвигаться.

Сейчас в голосе Мишина абсолютно не было никакого презрения или высокомерия. Показалось, что Володя просто дает житейский совет. Делится опытом. И никаких прошлых обид лейтенант сейчас не демонстрировал. Видимо, это было сейчас не уместно.

– Что же они там делают? – невесть кого спросил Мишин.

– Ты их будешь убивать? – пытаюсь подтвердить свою догадку, спросил Олег.

– Попробую, – отозвался Володя, не отрываясь от бинокля.

– А если это не боевики? Что тогда?

– Тогда это будет хороший урок тем, кто не понимает, что нельзя шараться возле военных объектов в ночное время...

– И погибнет невинный?

– Бывает и такое.

Олег замолчал. Он сейчас переваривал услышанное. Пришло понимание того, что вот сейчас он станет свидетелем убийства. Олег облизал пересохшие губы. Кровь была в виски уже такими мощными толчками, что казалось, что по голове бьют кувалдой. В сознании не укладывалось, что вот так просто можно взять винтовку и застрелить человека или даже двух. Так и не узнав, кто они такие...

А последняя фраза Мишина возмутила Олега до крайности, но что-то тормозило его, что-то заставляло его оставаться сторонним наблюдателем.

Пришел Иванов и солдат с винтовкой.

– Что случилось? – спросил ротный.

– Ходит кто-то, – отозвался Мишин.

Глеб взял бинокль и посмотрел на нарушителей спокойствия.

– Валите их. Нечего по ночам возле отряда бродить. Утром разберемся. Если что, я в штабе. Нартов, ты уже проверил караул? Заканчивай, и топай в штаб. Дело есть.

Иванов пошел в сторону палаток отряда, как будто ничего серьезного сейчас не происходило. Это еще больше накалило Нартова. Вокруг него происходило что-то такое, глубоко ему неведомое, но по определению – страшное, нечеловеческое...

Мишин увидел, наконец, винтовку:

– Принес? Давай.

Лейтенант взял поудобнее ВСС и, включив ночной прицел, расположился на бруствере.

– Кого валить первым, правого или левого? – спросил он у Олега.

Олег запоздало ответил:

– Выбирай сам.

Нартов жадно смотрел в прибор ночного видения. Лицезреть момент человеческой смерти ему еще никогда не доводилось. Вот они там копошатся, что-то делают, и совсем не знают, что их берут в прицел, и сейчас будут убивать.

Нартов почувствовал, как его сердце буквально замирает перед лицом такого завораживающего зрелища. Олег смотрел в окуляры и боялся пропустить хоть одно мгновение этого зловещего спектакля. Он ждал.

Вот сейчас Володя нажмет спуск, и тяжелая снайперская пуля проломит кому-то голову или разнесет грудную клетку, выбивая своим ударом из человеческого тела хрупкую человеческую жизнь...

– Раз, два, три, четыре, пять, – тихо прошептал Мишин. – Вышел зайчик погулять. Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет.

Вдруг как хлопок ладоней выстрелила винтовка. Олег от неожиданности моргнул, успел подумать, что не увидит самого главного – попадания, бинокль качнулся, но он выровнял его, и увидел, как две человеческие фигуры продолжали сидеть в прежнем положении.

– Не понял? – Мишин посмотрел на прицел, и выругался: – Снайпер не снял боковую поправку, а я не заметил...

Володя быстро исправил прицел, и снова вскинул «винторез» на бруствер, но в этот же момент обе фигуры исчезли за кустами.

– Они ушли, – сказал Олег, выдохнув.

Мишин передал винтовку одному из часовых, и наказал:

– Как появятся, смело бейте наповал. И не вздумайте тут спать по очереди. Знаю я вас, мерзавцев.

Офицеры выбрались из окопа, и пошли в палатку караула. Мишин спросил:

– Всё проверил?

– Да.

Олег понял намек и, не прощаясь, пошел прямо в штабную палатку. В палатке сидел Иванов, который молча смотрел на бойца, тихо спящего на стуле. Капитан кивнул на бойца и спросил Нартова:

– Ты чего за своим нарядом не следишь?

Олег с порога громко сказал:

– Те, кто спит – встать!

Боец подскочил со стула, чем вызвал смех Иванова. Но в углу подскочил и радист. Это уже рассмешило Нартова.

– И ты туда же?

Олег подумал, как можно взбодрить бойцов, и приказным тоном сказал:

– Идите, перекурите.

Срочник вопросительно посмотрел на Олега:

– Угостите сигареткой, товарищ лейтенант!

Олег угостил.

Иванов заговорил с кем-то по рации. Отключившись, он сказал Нартову:

– Лунин доложил, что вышел в район разведки, и приступил к работе.

Олег присел за стол отметить время выхода Лунина в эфир.

– Как он?

– Нормально, – пожал плечами Иванов. Он откинулся на спальник и прикрыл глаза.

Олег прилег на топчан. Спросил Иванова:

– Интересно, кто это был?

– А Вовка попал в них? – спросил обыденным тоном Глеб, не открывая глаз.

– Нет.

– Зря.

– А если это пастухи какие-нибудь? – спросил Олег.

– Какая разница? И пастухов приучим к порядку.

– В смысле – перестреляем?

– Не без этого...

– А если это разведчики ваххабитов?

– Ну и что? Пусть смотрят. Что они здесь, кроме палаток, увидят?

– Ну, к примеру, увидят, как колонна увезла разведку.

– Если ты не слепой, то должен был заметить, что колонна выходит за пределы отряда несколько раз в сутки. Это специально делается для того, чтобы скрыть, когда действительно выводятся или эвакуируются разведгруппы. Снаружи никогда не узнаешь, вышла разведка или колонна пошла порожняком, для отвода глаз. Разведчики ведь сидят за тентом и их не видно...

В палатку вошли перекурившие бойцы.

– А если боевики вырежут часовых и взорвут тут все к чертям. А? – спросил Олег.

– Они к часовым не подойдут. Там сплошное минное поле. Позавчера кто-то подорвался.

– Помню, а кто это был?

– Не знаю. Тело утащили. А в Сельментаузене новая могила появилась. С длинной пикой вместо памятника...

– Боевик?

– Само собой.

– А откуда известно про могилу?

– Добрые люди доложили... – усмехнулся Иванов.

Срочник-посыльный вдруг громко всхрипнул и, проснувшись, сел на стуле ровнее. Сказал:

– Я не сплю.

– Дров подкинь... – сказал Олег. – Холодно.

– Есть.

Боец зашевелился, подкидывая в печку дрова. Затрещало пламя. По стенам заметались блики огня. Стало как-то по-домашнему уютно. На миг Олег даже забыл, где он находится. Казалось, что он в каком-то студенческом походе, у костра...

В палатку вошел заспанный Романов:

– Нартов, доложите обстановку!

– Ходил кто-то возле лагеря. Метров триста от ворот в поле.

– Опять? Надо поставить там засаду и перестрелять всех к чертовой матери... Мужики из двадцать первого отряда спецназа внутренних войск рассказывают: чеченцы подходят ночью как можно ближе и начинают выть волками. Говорят, с ума сойти можно. Они их пулеметами и минометами глушат, а чечены коров подставляют. Потом заявляют, что «федералы» скот убивают намеренно. Как Лунин?

– Выходил на связь, доложил, что все в порядке.

– Как у тебя?

– Порядок.

Романов ушел. Олег повернулся к Иванову:

– А какую задачу имеет Лунин?

– В горах есть базы боевиков. Их нужно найти и максимально там все разрушить. Сделать привязку для артиллерии. Можно все сделать и днем, но боевики это тоже понимают. Поэтому мы иногда ходим ночью. Ночь это чтобы ты знал, сестра разведчика. А в группе есть приборы ночного видения, и они видят все.

– А их не видит никто?

– Это как они там себя поведут...

– А если их обнаружат? Ведь их всего с десяток, а боевиков там, может, сотни...

– Если группа засветится, то вначале они попытаются оторваться. «Артель» поставит заградительный огонь, а на встречу выйдет дежурное подразделение. Днем в таком случае их поддержат вертолеты.

– А если они попадут в окружение? – продолжал допытываться Олег.

Глеб приподнял голову и повернулся лицом к Олегу. Выжидающе посмотрел ему в глаза, и ответил вопросом на вопрос:

– А что бывает с теми, кто попадает в окружение?

Олег промолчал. На примере почти девяти десятков бойцов сто четвертого полка он знал, что бывает с попавшими в окружение. Но ему подсознательно хотелось услышать от Иванова что-то обнадеживающее и успокаивающее. Ему хотелось услышать, что у окруженных есть хоть какой-то шанс выжить...

Иванов снова откинулся на спальник. Олег молчал. Срочник поковырял в печке кочергой и сел у раскаленного бока. Запищала радиостанция и радист встрепнулся.

– На связи!

Иванов подскочил:

– Лунин?

Радист на миг повернулся к Иванову, и сказал:

– Сообщение идет...

Олег и Глеб прочитали дешифрованный текст:

– Координаты такие-то, обнаружен опорный пункт боевиков, силы до тридцати человек.

Просим огня.

Олег встретился взглядом с Ивановым. У капитана глаза горели огнем. Иванов выпалил:

– Молодец, Лунин! Хорошо сработал! Радист, давай связь с артелью!

Радист протянул руку к телефонному аппарату и снял трубку:

– Связь готова:

Иванов передал артиллеристам координаты и вид огня, и буквально через десять минут за палатками гулко ухнула всеми стволами дежурная батарея. Олег выскочил из палатки посмотреть ночную стрельбу. Секунд через двадцать небо снова осветилось ярким огнем выстрелов орудий, и воздух задрожал от гулких ударов. Олег не заметил, как рядом с ним оказался капитан. Глеб закурил и, указав сигаретой в горы, сказал:

– За тем хребтом. Рядом совсем. Три километра.

За ближайшей горой действительно появилось зарево – там разрывались падающие снаряды. Где-то там, в воздух летела земля, деревья, а может быть и человеческие тела. Там сейчас все горело и рушилось. Там расправила свои крылья черная птица-смерть...

– Жутковато... – честно признался Олег.

Артиллерия сделала шесть залпов и замолчала. Глеб ушел к радисту уточнить результаты огневого налета. Из палатки вышел срочник. Он явно хотел спросить у Олега закурить и Нартов, опережая его, протянул ему сигарету.

– Товарищ лейтенант, мне по инструкции уже спать можно. Разрешите?

Олег усмехнулся. Бойца совершенно не интересовал ход событий, разворачивающийся всего в трех километрах – ему куда интереснее было знать, разрешит ему дежурный лечь спать, или нет...

И вдруг Олег совершенно отчетливо понял, нет, это он знал и раньше, но вот сейчас он как-то особенно ярко вдруг осознал, что солдат есть настоящий труженик войны. Ведь именно на плечи солдата, на плечи вот этих девятнадцати – двадцатилетних мальчишек ложится вся громадная тяжесть войны. И ведь они несут эту тяжесть! Порой, не доедая, не досыпая, получая ранения и погибая, русский солдат несет на себе самую тяжелую долю...

Олег вспомнил: пока он пил водку, объедал разведчиков, переводил в теплом штабе документы, солдаты все это время копали ямы под палатки, заготавливали дрова, ходили в караул, бегали по горам, подставляя свои головы под пули боевиков, и после всего этого дарить им презрительные взгляды, и на все вопросы о неравенстве положения небрежно отвечать «...кто на что учился...»?

– Иди, спи.

Боец быстро докурил сигарету и завалился на топчан. Когда Олег вошел в палатку, срочник уже спал. Радист с завистью посмотрел на спящего солдата и отвернулся. Олег придвинулся к Глебу:

– Я вот не понимаю... – начал он.

– Чего? – спросил Глеб.

– Армия долбит чеченов вот уже полгода, а кроме Радиева никого еще не поймали. Если наш штаб знает, что в Сельментаузене появилась новая могила, то уж о присутствии там какого-нибудь полевого командира, узнали бы давно...

– А что, собственно, не понятно?

– Непонятно почему всю чеченскую верхушку до сих пор не перестреляли?

– Это не так просто. Разведка, считай – мы, можем дать любую информацию, но вот реализовать мы можем далеко не всю. А иногда у нас просто нет приказа...

– А самим?

– Что самим?

– Ну, выйти в горы и проверить ликвидацию... – Олег удивился таким дотошным вопросам как будто ничего не понимающего Иванова. – Как?

– Милый мой, Уголовный Кодекс еще никто не отменил и, насколько мне известно, в этом Кодексе существует статья за преднамеренное убийство. Эта война, вторая, более-менее нормально еще идет, а вот когда я был здесь пять лет назад, в первую войну, то тогда выполнив какую-нибудь операцию мы вполне могли сесть за решетку, повернись колесико в голове руководства не в ту сторону...

– Ну и ну!

– Вот так.

– Неужели все так запущено? – Олег улыбнулся краешком рта, хотя понимал, что улыбаться сейчас было не вполне уместно...

– Хуже, чем ты себе представляешь.

Олег понял, что от капитана ничего сейчас не добьется, и оставил его в покое. Радист принял доклад Лунина. Артель сработала нормально...

Под утро Олег пошел проверить караул. На этот раз поднимать бодрствующую смену он не стал. Он понимал, что имеет право приказать, и все встанут, но он так же понимал, что люди устали и буквально валяются с ног от постоянного недосыпа.

– Как? – спросил он у Мишина.

– Нормально, – пожал плечами Володя.

– Пастухи не появлялись?

Олег почувствовал, что вопрос не соизмерим с личными возможностями и авторитетом и понял, что вопрос был задан явно в пустоту...

– Не появлялись, – спустя пару мгновений ответил Володя.

Понимая прекрасно момент, Мишин снова улегся на нары и отвернулся к стене. Он знал, что Олег не будет его третировать.

Олег записал в постовую ведомость результат проверки караула и снова вышел на мороз. Он вдруг подумал, что бойцы, видевшие в начале ночи его стычку из-за спящей смены, сделают вывод, будто он, лейтенант Нартов, поддался прессингу Мишина и потому не стал поднимать их сейчас. Что в свою очередь может продемонстрировать не способность Нартова руководить личным составом и что в дальнейшем его можно будет просто посылать...

Олег понял, что получилось не очень хорошо, но опять уже ничего сейчас не исправишь... к тому же Володя наверняка рассказал своим бойцам как Олега тошнило на трупы боевиков. А это авторитета никак прибавить не могло.

Олег разозлился сам на себя. Когда он вошел в палатку, Иванов разговаривал по радиации с Луниным.

– Ну и зачем было его брать? – говорил Глеб в тангенту. – Вот сейчас нам с ним мороки...

Увидев вошедшего Олега, Иванов поспешил закончить разговор, и отключился.

– В карауле все в порядке? – спросил Глеб Олега.

Нартов кивнул.

– У Лунина тоже все хорошо. Возвращаются.

– Слава Богу, – Олег опустил на стул. Посмотрел на часы. Скоро начнет светать.

Вскоре в палатку вошел офицер из второй роты, который должен был руководить колонной, назначенной для проведения эвакуации группы. Иванов вышел с ним из палатки. Вскоре слышались урчания моторов, и колонна ушла встречать разведчиков. С колонной ушла един-

ственная бронированная машина отряда – БМП-2, которая досталась разведчикам после того, как пехотинцы бросили ее, заглохшую в горах...

В половину шестого Олег поднял посыльного и отправил его заготовить дров. Еще минут через десять в палатку вошел Романов.

– Где ответственный за вывод групп? – спросил Романов.

– Колонну провожает, – отозвался Олег.

– Как Лунин?

– Нормально, – Олег пожал плечами. Он еще не имел специальных знаний, чтобы можно было судить о результативности выхода разведки. Он знал лишь одно: группа жива и возвращается домой. А это уже хорошо.

Романов сел за стол и несколько минут просматривал записи в журнале радиста. Потом он развернул на столе карту и начал водить по ней пальцем.

– Они сейчас должны быть здесь. Ждут колонну.

Олег подсел и всмотрелся в карту. Он уже более или менее понимал в топографических знаках, и вполне мог представить, где сейчас сидит группа в ожидании эвакуации.

– Юрий Борисович, а я буду ходить на боевые задачи? – тихо спросил Олег.

– С чего ты взял? – Романов повернулся к переводчику.

– Я же понимаю, что вы ничего просто так не делаете, а раз приказали мне не стричь бороду, значит, у вас есть задумка.

– Задумка есть, но ты не подготовлен для боевой работы.

В этот момент вошел Иванов, и встал у порога. Он слышал последнюю фразу командира отряда.

– А что я должен уметь? – спросил Олег.

– Представь ситуацию: – в разговор вмешался Иванов, – Ты идешь в группе, и вдруг на тебя выходит одинокий пастух. Пастуху семьдесят лет. Этот человек в жизни никого не обидел. После того, как группа пройдет дальше, он побежит к первому же полковому командиру и расскажет ему о тебе. Через час группу обложат со всех сторон. Еще через час группа перестанет существовать. Как не допустить гибель группы?

Романов посмотрел в глаза Нартову:

– Да, как бы ты поступил в подобной ситуации? Это ключевой момент подготовки разведчика к действиям в тылу противника.

– Лечь в круговую оборону, – предположил Нартов.

– У тебя мало сил, не поможет, – сказал Романов.

– Ну, я не знаю. Может связать пастуха, и спрятать его где-нибудь? – предположил Олег.

– Развяжется, – жестко ответил Иванов.

– Взять его с собой?

– Он откажется идти. Скажет, мол, ноги больны, да стар стал. А нести его – только скорость движения снизится. Ну, так что?

Олег уже понял, что от него ждут, и медлил. Но офицеры тоже молчали. Они хотели, чтобы Олег сам озвучил правильный выход из ситуации. Командир отряда и командир роты в упор смотрели на молодого офицера.

– Его надо убить? – спросил Олег.

– Верно, – кивнул Романов. – Зачет сдал...

– Но ведь он ничего плохого не сделал группе?

– Не сделал, пока не дошел до ближайшего полевого командира. Когда дойдет, уже будет поздно думать о плохом или хорошем, – сказал, усмехнувшись, Иванов.

Олег молчал. Он знал, что это так должно быть для сохранения скрытности группы в тылу враждебно настроенного населения и возможной близости баз боевиков. Но знать и понимать – это совершенно разные вещи.

– А что нужно делать с пленным, которого разведывательная группа захватила в тылу противника, допросила, и тот перестал представлять для разведки интерес?

– Что, его тоже нужно убить? – спросил Олег.

Глеб усмехнулся:

– В наших руководящих документах сказано прямо: «...пленный, после проведенного первичного допроса, направляется к вышестоящему командованию...».

Подполковник откинулся на спинку стула и махнул радисту, чтобы тот покинул палатку. Когда тот вышел, Романов сказал:

– Есть у меня одна задумка. Если ее реализовать, то мы будем брать боевиков и схроны с оружием голыми руками. Для тебя в этой операции отводится первая роль.

В этот момент Олег шмыгнул носом и Романов увидел перед собой не лейтенанта, которому он решил доверить особо важное задание, а простого мальчишку, который только-только начал входить в самостоятельную жизнь. Подполковнику вдруг захотелось отменить задуманное, отбросить все наработки по этому делу, но Олег жадными глазами смотрел на своего командира и Романов решился:

– Тебе придется сыграть роль араба. Возможно, тебе придется убивать людей. Ты готов к этому?

– Думаю, что я не хуже всех остальных офицеров спецназа, – с пафосом сказал Олег. – Не боги горшки обжигают.

– Это ты так думаешь. Но с тобой все же надо провести определенную психологическую работу. Ты многого еще боишься. Ты много чего еще не умеешь делать. А без определенных навыков задача для тебя будет просто невыполнима.

– Что я должен уметь? – прямо спросил Олег.

– Ты должен уметь контролировать себя. Ты должен уметь не бояться смотреть в глаза смерти. Это я воспитываю у своих бойцов в период учебы на базе бригады, и они многого достигли. Но ты не проходил спецподготовку, и поэтому сейчас я не знаю, на что ты способен и насколько ты смел. То, что тебя рвало на трупы, не есть хорошо. Это надо исправить. Трупов ты еще увидишь много. Будь готов к этому. И еще будь готов убить человека. Любого. Ты меня понял? Или скажи сразу, и я отправлю тебя обратно в бригаду.

– Не надо в бригаду, – быстро сказал Олег, сам не зная почему.

– Тогда... – Романов покачался на стуле, и снова откинулся на спинку: – Тебя тошнило потому, что у тебя богатая фантазия. Ты просто представил себя не месте убитого. А так делать не надо. На войне остаются в здравом уме либо только совершенно тупые люди, которые не могут осознать, что они делают, либо люди очень умные, полностью отдающие себе отчет в том, что они делают, которые уверены в своей правоте. Как мне кажется, ты – человек умный. В жизни разбираешься не плохо. Так что решай.

Романов встал, показывая этим, что разговор закончен.

Олег посмотрел на время. Пора было поднимать отряд. Нартов нажал кнопку и над расположением отряда взвыл гудок. Начался новый день войны.

Романов ушел, а спустя пару минут, в палатку заглянул начальник медицинской службы капитан Кириллов.

– Разведка вернулась? – спросил он.

– Нет еще, – отозвался Олег.

– Я не помешаю? – спросил Саша, намекая на то, чтобы остаться в теплой палатке, а не ждать группу на морозе.

– Располагайся... – махнул Олег рукой.

Кириллов присел на лавку, и спросил:

– Ты оклемался?

– Да. – Олег заполнял журнал дежурства, и мало обращал внимания на Сашу.

Закончив заполнять журнал, Олег повернулся к Саше:

– Товарищ капитан, а как вот вы, врачи, привыкаете к трупам?

– В институте нас с первого курса водили в морг. Там на первом вскрытии полгруппы в обморок упало. Я так долго смеялся...

– А сейчас страшно?

– Труп для меня примерно как для тебя разобранный автомобиль, или открытая книга.

– А если труп разворочен?

– А если автомобиль разворочен, или книга разорвана? Тебе от этого становится плохо? – отозвался Кириллов вопросом на вопрос.

– Понятно.

Олег улыбнулся. В душе у него немного полегчало.

Вскоре все вышли встречать разведку. Колонна проехала ворота, развернулась на поле перед жилыми палатками, и вплотную подошла к палатке штаба. Разведчики спешили и построились. Олег встретил тяжелые, усталые и обозленные взгляды вернувшихся разведчиков...

Романов принял доклад Лунина, а потом махнул Олегу рукой. Нартов подошел.

– Поступаете в распоряжение капитана Иванова. Все его приказания выполнять неукоснительно. Ясно?

– Так точно, – отозвался Олег, пока не понимая, к чему это идет.

Иванов хлопнул Олега по плечу:

– Возьми у разведчика автомат и садись в «двушку».

Ближайший разведчик снял с плеча АКМС и протянул его лейтенанту. Потом вынул из разгрузочного жилета пару автоматных магазинов, которые Олег рассовал по карманам.

– На машину! – приказал Иванов, тоже вооружившись.

Нартов, Иванов, Лунин и подошедший с видеокамерой в руке Шумов, запрыгнули на БМП-2, и боевая машина пехоты тронулась. Вскоре они выехали за пределы базы.

– Мы куда? – спросил Олег.

– Сейчас узнаешь. Здесь не далеко... – пространно отозвался Глеб.

БМП проехала мимо того места, где ночью сидели двое неизвестных, по которым стрелял из снайперской винтовки лейтенант Мишин. За кустами и бугорком никого не было. Олег снова ощутил в груди холодок от осознания того, что ночью, здесь, на его глазах чуть не произошло убийство.

Машина остановилась на опушке леса. Шумов и Иванов спрыгнули на землю и осмотрелись. Тихое и холодное утро только начинало побеждать ночь. Где-то далеко, видимо в Махкеты лаяли собаки. Со стороны Сельментаузена крикнула птица.

– Вытаскивай! – махнул майор рукой Лунину.

Дима спрыгнул с брони и, открыв заднюю дверцу, вытащил из десантного отделения, связанного по рукам, парня лет двадцати. Тот задергался, но Лунин с силой дал ему несколько раз по ребрам и чеченец затих. Он стоял и дико озирался по сторонам. Чем-то он был неуловимо похож на гордого волка-борза, обитающего в местных горах. На парне был надет потрепанный спортивный костюм и камуфлированная натовская куртка. Под глазом красовался большой синяк. Видимо разведчики уже постарались.

– Нартов, сюда! – скомандовал Иванов.

Олег спрыгнул с машины и подошел к Иванову.

Капитан спросил:

– Разговор не забыл?

Олег помотал головой.

Шумов тем временем подошел к чеченцу и спросил как его фамилия.

– Хамхоев, – отозвался нохча.

– Как зовут?

– Дукус.

– Все сходится, – усмехнулся Иванов.

– Что же ты, Дукус Хамхоев, в российском государстве живешь, а по российским законам жить не хочешь? – спросил Шумов.

Чеченец непонимающе посмотрел на начальника штаба. Выдержав паузу, Иванов громко сказал Олегу:

– Убей чеченца.

– Зачем? – спросил Олег.

– Так велит наставление по специальной разведке. Я же тебе зачитывал это положение.

– Товарищ капитан, вы мне прочитали, что пленного нужно доставлять вышестоящему командованию. Зачем же его убивать?

– Хорошо, – Иванов пожал плечами и подошел к чеченцу. Спросил: – Кто твой командир?

– У меня нет командира. Я не боевик... – отозвался горец.

– Вот только этого мне здесь говорить не нужно, – усмехнулся Глеб. – Тебя взяли с оружием в руках в лагере боевиков. Так что о твоей принадлежности у нас сомнений нет... ну, так кто твой командир?

Парень молчал. Подошедший Лунин с силой ударил его ногой в солнечное сплетение, и тот повалился на землю.

– Вставай, сука! – Дмитрий ухватил чеченца за шиворот, и поднял на ноги.

Олег зажмурился. Ему было непривычно смотреть, как здоровые и сильные мужики бьют связанного, беззащитного парня.

– Кто руководит твоими действиями? – спросил Иванов.

– Моими действиями руководит Аллах, – тихо отозвался чеченец. – Аллах все видит.

Глеб с видом победителя повернулся к Олегу:

– Слышал? Аллах им руководит. Выходит, мы должны отправить его к Аллаху. В наставлении всё правильно написано – доставляется в вышестоящему командованию...

– А почему я?

– Потому что я так хочу. Ты же офицер спецназа. Ты должен быть готов сделать это.

– Я не нанимался работать палачом, – испуганно ответил Олег.

– Я тебе говорил, что способность убить человека, в том числе и совершенно невиновного – ключ к подготовке бойца спецназа! Так что вперед... – Иванов указал рукой на чеченца. – Убей его.

Парень дико озибался, смотрел по сторонам, будто ища на стороне помощь. Но помощи ему ждать было не откуда...

Нартов почувствовал, как забились в висках кровь. Ему стало совсем не по себе. Иванов сказал:

– Начнем с простого. Ударь его.

Олег подошел к связанному парню. Он чувствовал, как кровь била по вискам с оглушительным хлопанием. Это было не с ним, это было не реально, это все только сон!

– Чего ты ждешь? Бей. Этот боевик убил много наших солдат. А ты жалеешь его! Бей!

Олег нехотя пнул парня ногой в живот.

– Сильнее! – приказал Иванов. – Посмотри, он просто смеется над тобой. Пойми, Олег, здесь, на Кавказе, уважают только силу. Он думает, что ты не жалеешь его, а просто боишься. Поверь, он просто насмехается над тобой...

Олег ударил сильнее. Парень что-то лопотал по-чеченски. По-русски он попросил не убивать его.

– Я не боевик, – начал выть он. – Я не убивал ваших солдат.

– Ага! – усмехнулся Шумов. – Прорезался голос разума!

– А кто ты? – спросил Иванов. – Скажешь, что ты мирный житель?

– Да. Я здесь живу. В Сельментаузене!

– Ты боевик. Ты мочил наших десантников под Улус-Кертом! Я знаю это точно! На тебя есть оперативная информация.

Парень опустил голову. Видимо, он понял, что все его слова будут звучать в пустоту...

Иванов с размаха ударил чеченца по почкам, и тот захлебнулся от боли. Глеб повернулся к Нартову:

– Кончай его. Быстрее.

– Я не могу. Зачем его убивать?

– Не убивайте меня! – снова заговорил чеченец. – За что вы меня убиваете? Что я вам такого сделал?

– За то, что ты чеченец. За то, что из-за таких как ты мне приходится быть здесь, в этой долбаной Ичкерии, за то, что вместо жены у меня спальник, за то, что я теряю здесь свое здоровье, а иногда и своих друзей! – на одном дыхании выкрикнул Иванов.

Олег подумал, что войной в основном движет чувство мести. Эта мысль закрепилась в его сознании, и он сам себе пообещал когда-нибудь додумать её, втиснуть её в рамки своей философии и общепринятых норм морали...

Иванов подхватил парня за связанные руки и поволок к кустам. Дукус понял, что для него все закончилось, и протяжно завыл. Он извивался, но против крепких рук капитана ничего сделать не мог. Шумов и Лунин бросились на помощь. Лунин крикнул высунувшемуся из люка механику-водителю:

– А ну, закройся! И не выглядывай!

Тот спустился в БМП и закрыл над головой люк.

Шумов приставил парня к дереву и ладонью уперся в лицо.

– Стой и не дергайся!

Олег молча смотрел на происходящее и ничего не мог понять. Все так закрутилось...

– Ну? Чего ты стоишь как истукан? – Иванов хлопнул Олега по спине: – Стреляй в него.

Олег покачал головой.

– Я не буду его убивать...

– Что-о? – по блатному спросил Иванов. – Ты отказываешься стрелять?

– Я не буду его убивать, – тихо повторил Олег. – Нет такого закона!

– А они вспоминали про закон, когда мочили здесь роту десанта? А? – вдруг заорал Глеб прямо в лицо лейтенанта.

Олег отступил на шаг:

– Но я не подписывался кого-то убивать...

– Может, ты еще и присягу не давал?

– Присягу давал.

– Выполняйте приказ, товарищ лейтенант!

Олег помотал головой. Вспомнились слова Романова, что скоро ему придется привыкнуть к трупам. Вот, значит, что они означали...

В этот момент Нартов думать уже не мог. Ему больше всего на свете вдруг захотелось каким-нибудь волшебным способом оказаться у себя дома на мягком диване и забыть про войну, про чеченца, про спецназ. Как дома было хорошо! Сидел на диване, ничего этого не видел, и видеть не хотел...

– Ну, – требовательно сказал Шумов. – Живее!

– Давай! – сказал Глеб. – Нажми спуск. Все через это прошли, и ты пройдешь...

– Зачем? – спросил Олег, глядя на Иванова стеклянными глазами.

– Ты мне уже надоел, – Глеб подошел ближе и ударил Олега кулаком в лоб.

Олег отлетел к БМП и ударился о фальшборт.

– Давай! Стреляй! Потом лучше будет! Поверь.

– Нет, я не буду... – Олег растерянно помотал головой. Автомат жег ему руки, и единственным желанием сейчас было отбросить автомат в сторону.

– Эх ты! – сказал Иванов, и, вырвав из рук Нартова автомат, быстро прицелился в голову пленника и дал короткую очередь.

Автомат оглушительно выстрелил прямо над ухом Нартова, и Олег шарахнулся к борту боевой машины пехоты, ударился спиной о фальшборт, сполз на землю и закрыл глаза. Ему совершенно не хотелось смотреть на то, что осталось от чеченца, которому в голову попала автоматная очередь...

– Ну и что ты развалился? – строго спросил Шумов, а потом резко рявкнул: – Встать, лейтенант!

Олег подскочил на ноги, и к своему удивлению увидел, что чеченец стоит живой. Над его головой кора дерева была разбита пулями. Иванов только имитировал расстрел.

Лунин ухватил чеченца за подбородок, повернул его голову к себе:

– Что, Дукус, отпустить тебя? Или все же привалить прямо здесь? Смотри, твое село не так далеко. Вот будем умора, когда твой труп здесь найдут!

– А ведь война скоро кончится, – добавил Иванов. – Все будут строить новую, мирную жизнь. А твои останки в это время будут гнить под землей...

– Нет, – в шоке чеченец помотал головой.

– А знаешь, что надо для того, чтобы я оставил тебе жизнь? – спросил Шумов.

– Что? – спросил Хамхоев.

– Я хочу от тебя знать о боевиках всё. Фамилии командиров. Количество личного состава. Схроны с оружием и боеприпасами. Явки. Замыслы. Противоречия между командирами. Если я буду получать от тебя эту информацию, тогда живи. Согласен?

Иванов мгновенно вскинул автомат на уровень глаз и практически упер срез ствола в переносицу Дукуса. Ствол автомата источал запах пороха, который в данное время ассоциировался только с запахом смерти. Это не могло не повлиять на горца.

– Я согласен, – быстро кивнул Хамхоев. – Согласен! Согласен!

– Сейчас ты можешь наговорить мне всего, что только придет в твою голову. А как только мы тебя отпустим, ты мгновенно про нас забудешь... – сказал Шумов.

– Я сделаю все, что скажете, – глухо отозвался парень.

– Знаешь, я тебе почему-то верю, – кивнул Шумов. – Но я все же подстрахуюсь немного. Говори в камеру: я – Дукус Хамхоев, добровольно соглашаюсь сотрудничать с главным разведуправлением...

Шумов начал снимать на видео.

– Я, Дукус Хамхоев, добровольно соглашаюсь сотрудничать с главным разведуправлением...

Шумов выключил видеокамеру. Этого было достаточно.

– Вот так, Дукус. Теперь, если ты попытаешься меня хоть в чем-то обмануть, эту запись увидит весь твой тейп. Как ты думаешь, они похвалят тебя за это? Станут больше уважать твою семью и весь твой род?

Чеченец посмотрел на Шумова глазами, налитыми ненавистью. Дукус был похож на жалкого, перепуганного, поджавшего хвост шакала. Сейчас он ничем не напоминал гордого борза.

– Если ты что-то узнаешь, то приходишь на это место и ставишь ветку вот в этот пенек. Это будет служить сигналом. После этого мы организуем зачистку деревни, и дома разговариваем с тобой. Так тебя никто не раскроет, потому что говорить мы будем с очень многими. Первые пять докладов бесплатно, потом ты будешь за результативные доклады получать деньги. Если по твоей наводке наши люди попадут в засаду, или подорвутся на mine, о твоём доброволь-

ном сотрудничестве узнает вся твоя деревня, весь твой тейп и вся Ичкерия. Последствия тебе известны. Свой же тебя и грохнут. Всё усвоил?

Чеченец кивнул.

– Сейчас есть что сказать о боевиках?

– Я слышал, что в Сельментаузене в разных домах лежат на излечении раненные ваххабиты. Где именно, я не знаю. Когда ваши входят в село, раненых спускают в подвалы.

– Понял. Если информация подтвердится, считай, что первый доклад тебе засчитан... а теперь проваливай!

Чеченец подскочил и быстро направился в чащу леса, с каждым шагом ускоряя движение.

– Да, еще один момент! – вослед крикнул Шумов, – разница между докладами не более двух суток!

Чеченец кивнул.

– Поехали, – махнул рукой Шумов.

Офицеры забрались на броню. Лунин постучал каблуком по крышке люка:

– Трогай!

Люк открылся. Высунулась голова механика-водителя. БМП захлопала выхлопом двигателя, дернулась и с места в карьер рванула в направлении базы отряда.

– Ну что, киллер? – спросил Иванов. – Как настроение?

– Да уроды вы все... – грубо отозвался Олег и отвернулся.

Иванов громко рассмеялся.

Глава третья

Света стояла над могилой своего мужа. Теперь он был под двухметровым слоем земли, и никак уже не мог согреть свою любимую жену теплом своего сердца. Рухнуло всё...

Все надежды на светлое будущее утонули в одном листке телеграммы, который так и лежал в кармане, и все так же жег сердце и рвал душу.

Уже отсалиutowал почетный караул, который выделило командование находившейся неподалеку воинской части. Солдаты выстрелили из автоматов по три раза, погрузились в машину и уехали. Могильщики закидали гроб землей, установили памятник и тоже укатили по своим делам.

Ушли родители. Ушли родственники. Ушли все те, кто пришел на похороны.

Осталась только Света.

Света и море тюльпанов.

Света и море слез.

Света и море горя.

Дверцу десантного отсека открыли снаружи. Это был Иванов.

– Ну, и что ты сидишь? Давай, выходи, киллер. Нечего прохлаждаться. Ты на дежурстве, или где?

В палатке Олег устало опустился на стул. Срочник ковырялся в печке. Рядом лежала свежая куча дров. Боец натаскал пустых ящиков от снарядов, наломал их до размеров печки и теперь радостно пытался отдыхать.

– Товарищ лейтенант, угостите сигареткой...

Олег машинально угостил его куревом, и боец убежал из палатки отравлять организм никотином. В палатку вошли командир отряда, начальник штаба и Иванов.

Олег опустил глаза. Ему было противно на них смотреть. Только что он пережил сильнейшее моральное потрясение, и еще не знал, как оно отразится на его будущей жизни. Но то, что он прошел какой-то Рубикон, Олег уже не сомневался.

– Ну, как? – спросил Романов.

– Хуже некуда... – честно признался Нартов.

– Олег, – спросил Романов. – Тебе еще никто не говорил, что человек, это такая скотина, которая ко всему привыкает?

Нартов подумал, что уже где-то слышал эту фразу, но не смог вспомнить где. На всякий случай сказал:

– Знаю.

– Пойми. Это наша работа. Особенности профессии, так сказать. Ты это понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Олег.

Остальные все это время смотрели на Олега так, как будто намеревались сказать что-то серьезное, и очень значимое. Это давило на психику и было понятно, что вот-вот у кого-то вырвется нагоревшее наружу.

Первым не выдержал Иванов:

– Понимаешь, Олег, они получили независимость. Они очень сильно хотели её получить. Когда это произошло, они были безмерно рады. И что из этого получилось? Ты попробуй поговорить с ними по душам. Они тебе прямо скажут, что работать у них, как говорят блатные, просто «в падлу». Работают у них рабы. Чеченцы только присматривают за рабами, и кроме

автомата ничего в руках держать как бы не должны. Вайнах будет жить впроголодь, но ни метра земли не засеет. Никогда он не возьмет в руки орудие труда. Только оружие будет в его руках. Если ему будут нужны работники, он поедет в Россию и там наберет себе рабов. И если ты думаешь, что тот, кого сегодня мы под расстрел подводили – не боевик, ты глубоко заблуждаешься. Все они тут одним миром мазаны. Все они нас ненавидят. Все они спят и видят нас мертвыми. И если кто-то из них и не боевик, то либо помогает им, либо готовится стать им. Так, что все твои переживания по поводу того, нужно было его убивать, или нет – просто лишены смысла. Ты просто еще ничего не понял. Поэтому ты сейчас подвержен влиянию ложного чувства справедливости. Было бы справедливо, если бы мы его там кончили. Я уверен, что нам бы здесь жилось немного легче. Поверь.

Иванов выдохся и замолчал. Романов и Шумов своими взглядами выразили полную солидарность с ротным. Нартов потупил взор. Он пока не знал что сказать, тем более, что после своего монолога, Иванов не требовал никакого ответа.

– Вы что, действительно собирались его убить, или только имитировали расстрел? – наконец спросил Олег.

– Могли и убить, – усмехнулся Романов. – Что нам стоит дом построить?

Олег каким-то шестым чувством понимал, что Романов не шутит.

– А если бы я в него все же выстрелил? – спросил Олег.

– Закопали бы, – усмехнулся снова Романов. – А о тебе я бы точно знал, на что ты способен.

Он бы противен Олегу.

– Дело-то не хитрое... – хмуро сказал Олег. – Обезьяну тоже можно научить нажимать спусковой крючок. Вот только будет ли та обезьяна знать, что она совершает?

Романов сплюнул от досады.

Снаружи загремели солдатские котелки. Подразделения отряда пошли на завтрак. Тут же офицеры потеряли к Олегу весь интерес. Нартов прислушался к себе, пытаясь определить, хочет он есть или не хочет. Внутренний голос говорил, что кушать пора уже давно.

Возле кухни стояли разведчики роты Самойлова. Они тихо переругивались, ожидая своей очереди за порцией каши и чая. Каждый подходящий офицер вставал за пайкой без очереди, что и вызывало очередную порцию ругательств со стороны бойцов. Олег тоже встал без очереди. За своей спиной он услышал «и пиджак туда же...».

Нартов повернулся. Никто из разведчиков даже и не пытался скрыть свое презрение к лейтенанту.

– И кому, какое дело, какой я закончил ВУЗ? – спросил Олег срочников.

Бойцы немного расступились. Все смотрели на него с совершенно одинаковым презрением. Олег в очередной раз почувствовал, что ни в коей мере не может управлять этой толпой. Никакой устав не сможет заставить бойцов подчиниться ему. И как только Иванов умудряется «строить» их?

– А чего лезете без очереди? – спросил боец с азиатскими чертами лица. Это явно был боец из «крутых».

Олег подумал, что не знает, что и сказать на это заявление. Когда его молчание уже стало заметно, он, наконец, нашелся:

– Я не вижу очереди. Стоите, как базарные бабки...

– Не надо нас оскорблять. Мы не для этого сюда приехали, – отозвался тот же боец.

– Фамилия, солдат? – спросил Олег.

– Сержант Май-оол, – отозвался боец. – А вам-то что?

– Знать буду, – усмехнулся Олег. Ему совершенно не хотелось портить с бойцами отношения. Еще памятливы были прения с караулом. – А теперь встань в очередь и меньше болтай. Тем более что перед тобой офицер стоит...

Май-оол не нашел что ответить на слова Нартова и промолчал.

Получив завтрак, Олег вернулся в палатку. Там он быстро поел и, проверив связиста, завалился на топчан «отдыхать лежа».

Спать ему долго не пришлось. Кто-то за палаткой громко крикнул, и он проснулся. Встал, помотав головой. Романов сидел за рабочим столом и рассматривал карту. Шумов стоял возле радиста, что-то объясняя ему. Дневального в палатке не было. Спросить где он, Олег постеснялся.

Испив из бачка воды, он вышел из палатки. Дневальный стоял тут же. Спросил закурить. Олег отдал ему предпоследнюю сигарету.

– Кури...

Вышел Романов. Уходя, бросил:

– Караул проверь...

Солнце стояло уже высоко. Воздух был заметно теплее, чем ночью. Новый день старой войны...

Метрах в сорока от палатки штаба пять бойцов копали яму, видимо под блиндаж. Они уже упарились и скинули бушлаты. С их спин валил пар.

Олег несколько мгновений смотрел на них и вдруг подумал: «отбудут здесь свой срок и поедут по домам, если, правда, живыми останутся. И никто не заставляет их убивать...». Олега пробила мелкая дрожь. Перед глазами стоял пленный, которого он должен был расстрелять. Наверняка он не боевик, а только сознанся в этом под давлением обстоятельств, для спасения своей жизни...

Вдруг Олегу стало противно он понимания, что именно собой представляет война. Вдруг он с особой остротой увидел в войне чудовищное преступление, покрытое, тем не менее, ореолом героизма, славы и справедливости. Какой бред! Война – это ужас, страх, боль, скорбь. Война – это смерть, это бесчестие, это жестокость. И не может война так подаваться в кино и книгах, как это есть на самом деле.

Олег двинулся по направлению к караульной палатке. Возле входа стоял Мишин.

– Замучил ты меня своими проверками, – устало сказал начальник караула.

– Извини, Устав. Давай «постовку», пропишу проверку.

Володя посторонился, приглашая Олега в палатку. В палатке двое караульных играли в шашки. Третий из бодрствующей смены ломал на дрова снарядные ящики. Еще трое спали на нарах. Олег сел за стол и начал заполнять постовую ведомость. После караула Нартов пошел по расположению отряда и незаметно для самого себя дошел до палатки медицинского пункта. Из палатки доносились голоса, и он решил войти.

Саша Кириллов сидел на корточках и рассматривал резаную рану на ноге старшины-контрактника из роты Самойлова. Старшина Широков, которого все звали «Шайбой», морщился от боли, но терпел и вслух свою боль не выказывал. Саша, чтобы облегчить старшине страдания, сказал:

– Рана пустяковая, на «гражданке» ты бы ко мне с такой раной и не пошел бы.

– Правильно, – усмехнулся старшина. – Я бы врача на дом вызвал...

Кириллов повернулся, и увидел Нартова.

– Привет, – кивнул врач. – Проходи...

Саша закончил бинтовать рану, и сказал старшине:

– Шайба, такую повязку ты мог бы и сам себе наложить. Вот тебе антибиотики, пей каждые четыре часа по одной таблетке. Завтра утром приходи на осмотр. От выполнения боевых задач я тебя освобождаю.

– А это зачем? – старшина криво посмотрел на врача. – Не надо мне освобождения. Я могу бегать. Как на меня пацаны смотреть будут?

– Еще набегашься. Еще навоюешься, – Саша хлопнул старшину по плечу: – Иди.

Когда старшина вышел, Кириллов повернулся к Олегу:

– Рассказывай. Что болит?

– Да, собственно, ничего не болит. Разве что душа...

– Это у всех здесь болит. Это побочное явление любой войны. Так что сильно по этому поводу не переживай. А что, собственно, ты так распереживался? На боевые, вроде, не ходишь...

– Да так. Утром мне приказали расстрелять чеченца. Разве можно вот так просто взять и убить?

– Можно, – махнул рукой Кириллов. – Запомни, Олег, это – война. Здесь цена человеческой жизни равна цене патрона. С этим нужно просто смириться, и принимать это как должное. Или быстро свихнешься. Ты его расстрелял?

– Ты что? – Олег замахал руками. – Я же не палач!

– Значит, ты еще не перестроил свою психику на боевой лад. Ну, ничего. Это дело вполне поправимое. Скоро будешь убивать пачками, и на завтра уже не будешь об этом помнить...

Саша так скривил лицо, что, было, не понятно говорит он правду, или так жестко шутит. Поэтому Олег не знал, как ответить. Он промолчал.

– Может, дать тебе успокоительного? – спросил Кириллов.

– Давай, если не жалко... – пожал Олег плечами.

Врач вынул из ящика какие-то таблетки, и дал Нартову пару штук. Олег проглотил таблетки и запил их водой.

– На войне, Олег, жизнь и гроша ломанного не стоит. Примирись с этим.

– Но ведь это не правильно! Человеческая жизнь – это самое дорогое, что есть на этом свете. Жизнь надо беречь, а не так лихо пускать её в оборот...

– Запомни, Олег – война, это самое мерзкое, самое кровавое преступление.

– Но ведь все равно, это не правильно!

– Это не совсем так, – покачал головой Саша. – Убивая врага, ты, возможно, спасаешь кому-то жизнь.

– Не нужно было затевать эту войну. Тогда бы не пришлось никого убивать.

– Война уже начата. И не нами. Сейчас наша задача – закончить войну. Закончить мы её сможем только после того, как переломим боевикам хребет. А это мы сможем сделать только тогда, когда отправим к Аллаху большую часть боевиков.

– Тот, кто начал войну – урод, – заключил Олег.

– Согласен, – кивнул Саша. – В семье не без урода.

– Этого урода надо сюда. Пусть он посмотрит, как это выглядит на расстоянии вытянутой руки. Пусть он посмотрит, что есть такое смерть, как она выглядит, как она пахнет. Может, тогда он осознает, на что обрек тысячи человек...

– Уроды, Олег, никогда не спускаются до таких мелочей. Им хорошо и наверху.

– Но я бы все равно хотел бы посмотреть на них здесь. Вон там, на сопке, где погибла десантная рота.

– Я, честно говоря, тоже... но это, как ты понимаешь, не реально. Смотреть на смерть выпало нам и только нам. Ничего уже не изменить. Такое наше призвание...

Саша закрыл ящик с медикаментами и снова повернулся к Олегу:

– Если тебе приказали расстрелять боевика, значит, наши командиры в отношении тебя что-то замышляют.

– Я знаю. Романов приучает меня к виду крови. Он что-то задумал. Говорит, что если эту задумку реализовать, то боевиков можно будет брать голыми руками...

– Романов это может. У него голова светлая... – усмехнулся Саша.

– Голова светлая, а стоит на должности всего лишь командира батальона.

– Это так задумано, – улыбнулся Саша. – Большие командиры специально таких как наш Борисович высоко не поднимают. Только такие, как Романов, умеют учить своих подчиненных воевать. Сейчас Романов командует уже шестым отрядом. Ставят его на самый плохой отряд, смотришь, через полгода не отряд, а конфетка. Романов разведчик экстра-класса...

– Я его еще не очень хорошо знаю...

– Еще узнаешь. А вообще, по-моему, Романов это тот, за кем можно идти с закрытыми глазами. У него сознание не как у нормальных людей. Что-то случилось, еще никто не понял, что именно, а он уже все взвесил, осознал и выработал решение... Он с горцами не воюет. Он с ними просто играет. Они для него не противник. Для другой войны он готовился. В Афганистане он был заместителем командира роты в Асадобаде и там воевал так, что мятежники за него даже миллионное вознаграждение назначили.

– Мне кажется, что на войне самое страшное, это недооценить противника, – сказал Олег.

– Это так. Но Романов себе цену знает. Позже ты увидишь в нем нечто такое, чего нет у многих крутых спецназеров.

– И что же это?

– Как бы тебе объяснить... понимаешь, командиры на войне стараются всегда быть осторожными, постоянно считаются с противником, чего-то опасаются, чего-то боятся. Романов не боится вообще ничего. Ему сам черт не брат. Если он куда-то приходит, пусть даже к незнакомым людям, то все вдруг понимают, что он Хозяин. Он даже может еще ничего не сказать, но все понимают, что он выше всех. Просто Борисович хозяин любого положения. Хозяин любой ситуации. Когда нет выхода, он просто проломит стену, но выход найдет. Это человек огромной силы воли. Воли у него столько, что хватит на сто человек. Или на двести. А может и больше... Он здесь над всеми нами хозяин не только потому, что у него звание и должность, но и больше потому, что все в него верят и все его уважают...

– И боятся, – сказал Олег, вспомнив как Романов нарезал Мишину.

– Да, и боятся, – кивнул Саша.

Олег понял, что исчерпал темы для разговора и повернулся к выходу из палатки.

– Я пойду. Спасибо за таблетки.

– Приходи вечером, посидим, чаю попьем...

Олег кивнул:

– Хорошо, я приду, как смену сдам...

Олег вышел из палатки и направился к штабу. Подумал, что Саша Кириллов хоть и говорил ему немного не то, что он хотел услышать, но мыслит врач в том же русле, что и сам Олег.

– Где ты ходишь? – спросил Шумов, как только Олег вошел в палатку.

– К врачу ходил.

– Душу лечить? – майор криво усмехнулся.

Олег ничего не ответил. Он прошел к печке и вытянул перед ней ноги. Пришел Романов и сунул Нартову под нос топографическую карту.

– Изучай.

Олег взял карту в руки. Это был прилегающий к расположению отряда район. Возле Сельментаузена на высотах были нарисованы крестики в кругах.

– Изучай, – повторил Романов и хлопнул Олега по плечу: – Завтра туда поедем раненных боевиков по подвалам искать...

Нартов смотрел на карту как баран на новые ворота, а сам только и думал о том, что завтра предстоит боевой выход.

Через час случилось знаменательное событие: в отряд прикатила колонна из шести бронированных артиллерийских тягачей МТ-ЛБ и трех боевых машин пехоты БМП-2 – «двушек». Это, наконец-то, по решению командования группировки войск, отряду придали бронирован-

ную технику. Конечно, не ахти, но уже можно было формировать бронегруппы мобильного резерва, и более эффективнее прикрывать броней действия разведгрупп.

Романов поднял всех свободных офицеров принимать технику. Началась суета и беготня.

Вечером Олега пришел менять командир взвода связи. Он не придирался и вскоре Олег, поужинав, спустился в блиндаж, где и завалился на свои нары. В блиндаже спал раненый Шайба, и больше никого не было. Полежав минут десять, Олег встал, чтобы написать письмо любимой. Из своего рюкзака он вынул пакет, в котором находились толстая ученическая тетрадь, шариковая ручка и несколько почтовых конвертов. Вырвав из тетради двойной лист, он устроился удобнее, и написал: «Здравствуй моя любовь!». Теперь нужно было написать само письмо. «Погода у нас хорошая, Солнце. Стоим в горах». Олег почесал затылок. Что еще написать? Написать, как ему приказали расстрелять молодого чеченца? Написать о том, как недавно здесь в горах погибла десантная рота? Написать о том, что остается от человека, когда рядом с ним разрывается артиллерийский снаряд? Написать, как выглядит человек, которому перерубили голову пехотной лопаткой? А может, написать о том, как выглядят срочники, не спавшие трое суток? Написать сколько у них тут работы? Или написать, сколько здесь запасено водки?

Олег отложил ручку. Разве ей это надо знать? Она живет там своей нормальной, мирной жизнью, решает свои, сугубо мирные проблемы и ничего этого не знает, и знать не хочет. И вообще знать ей, что такое война совсем не обязательно. Зачем ей это знать? Зачем вообще знать это? И нужно ли вообще это людям?

Олег понял, что его опять понесло, и попытался остановить свои мысли. В письме он написал свои фантазии. Написал о том, какой он представляет себе свадьбу. Расписал свадьбу в красках и деталях...

На эти фантазии ушел весь лист. Ну и хорошо. Запечатанный конверт Олег отнес к почтовому ящику, который висел на столбе в центре расположения отряда. Постояв немного на улице, он спустился в блиндаж. Чуть погодя спустился Лунин. Дима деловито достал бутылку водки и, посмотрев на Олега, спросил:

– Будешь?

В этот момент появился Мишин. Он ответил:

– А почему бы и нет?

– Ну, нет, так нет... – усмехнулся Лунин и поставил бутылку назад.

– Как это нет? – взъелся Володя. – Как это нет, когда да!?

– Не плачь, сейчас налью... – Дима открыл бутылку.

Мишин подставил кружку:

– Пол кружки...

Дима налил ему водки, и повернулся к Олегу:

– Где твоя кружка?

Олег pokrивился, но потом передумал и подставил кружку.

– В честь чего? – спросил Лунин, когда все кружки были налиты, а банка тушенки открыта и выставлена на печку.

– Давай, за нашего «пиджака» выпьем, – предложил Володя тоном блатного урки. – Он сегодня свое первое боевое дежурство отстоял.

Олег зло посмотрел на Мишина, но ничего не сказал. Выпили. Начали закусывать.

– Как выход? – спросил Володя Лунина.

– Нормально, – пережевывая тушенку, отозвался Дима. – Доложили об уничтоженном опорном пункте боевиков...

– Большой пункт? – спросил Олег.

– Блиндаж. Такой, как этот...

– Так вы же артиллерию на него наводили. Там что, были боевики? – не унимался Олег. – Ты же сам докладывал, что боевиков до тридцати человек...

Дима широко улыбнулся:

– Да нет. Артель я для профилактики вызвал. Никого там не было...

– Но доложил об опорном пункте!

– Ну и что? – удивился Дима.

– Как что? Это же чистой воды обман...

– Вся война – чистой воды обман... а нашим правителям и нашим генералам приятно.

Пусть старики порадуются...

Мишин налил еще по пол-кружки. Поставил пустую бутылку под нары. Лунин поднял кружку. Олег последовал его примеру. Выпили, ни слова не говоря. Лунин завалился на нары.

– А рожу я тебе все равно набью, – сказал Володя Олегу. – Никакой Романов тебе не поможет...

– Давай, – с вызовом сказал Олег. – Начинай.

– Да пошел ты.

– Туда же топай.

– Урод.

– От уroda слышу.

Мишин больше ничего говорить не стал и последовал примеру Лунина. Олег вышел из блиндажа на свежий воздух. Алкоголь уже действовал, и ему было легко и весело. Покачиваясь из стороны в сторону, Нартов пошел к Кириллову. По пути ему попался на встречу капитан Иванов. Глеб понюхал воздух:

– Никак пьян?

– Совершенно в тютельку, товарищ капитан! – с вызовом сказал Олег.

– О! Еще и обнаглел! – Иванов улыбнулся. – Ладно, вали, куда валил. Утром поговорим...

– Хоть попоем... – вызывающе кивнул Олег. Иванов сейчас был ему противен.

Капитан пошел своей дорогой. Нартов пошел своей. Впереди мелькнула плечистая фигура командира отряда, и Олег обошел «опасное» место стороной. Пока он топтал грязь по кругу, прошло минут десять и, войдя в палатку медицинской службы, он нос к носу столкнулся с тем, кого так долго пытался обойти.

Романов и Кириллов сидели к нему спиной и перебирали индивидуальные аптечки. Увидев, что уже было поздно, а потому Олег набрался решимости и спросил:

– Разрешите?

– Заходи, – кивнул Романов. – Чего надо?

– Да так...

– Он ко мне, – вставил Саша. – Поговорить...

Романов привстал и повернулся к Олегу:

– Ты случайно не видел, что бы сюда, в палатку, кто-нибудь лазил?

Олег пожал плечами:

– Нет. А что?

– Кто-то, пока меня не было, забрался сюда и вытащил из аптечек десять шприц-тюбиков с промедолом, – сказал Саша.

– Ого, – удивился Олег. – Срочники?

– А кто же еще? – вздохнул Романов. – Ладно, разбирайтесь пока здесь, а я пойду, отряд застрою...

Романов направился, было к выходу, но вдруг остановился и ткнул Олега пальцем в грудь:

– Да, Нартов! Завтра в пять утра, по полной боевой, ты стоишь у штабной палатки. Автомат, два боекомплекта, четыре гранаты, пистолет, бронежилет, каска. Усвоил?

– А где это брать? – выпучил Олег глаза.

– Должность капитана Красильниковца тебе известна?

– Начальник службы вооружения...

– Вот у него все это и возьмешь. Можешь сегодня, пока он еще не спит, взять у него оружие. Почистишь автомат и пистолет. Привыкнешь к ним. Боеприпасы получишь завтра. Понятно?

– Так точно.

Романов вышел. Олег сел на ящик возле Кириллова:

– Так как это получилось?

– Ума не приложу. Вышел на десять минут. Прихожу – ящик раскурочен. Аптечки валяются открытые. Сейчас с Борисовичем пересчитали – десять штук не хватает.

– Подозрения есть?

– Пока нет, но найти их совсем не сложно. Сейчас Романов всех построит, а я посмотрю, у кого ручки дрожат, да глазенки бегают...

– А зачем срочникам промедол?

– Как зачем? Это же наркотик. Ширяться будут. Кайф ловить...

– Поймают?

– Если мы их сейчас прежде не поймаем...

– И как это в спецназ наркоманы попадают? – усмехнулся Олег. – Это же элитные войска.

Отбор там, прочее...

– Какой там отбор! – Саша махнул рукой. – Приехали в военкомат, взяли, что было и рады. Хоть кого-то набрали... это еще цветочки. Ягодки, как я понимаю, только впереди...

– Да, – протянул Олег. – Страна большая, а выбирать не из чего...

– Господи, да кому мы нужны? Если бы действительно надо было, то в нужном отряде могли бы одних спортсменов собрать – залюбуешься! Вон, во время Великой Отечественной войны НКВД себе спецназ создавал – целую бригаду из спортсменов собрали. ОМСБОН назвали. Два полка в бригаде, несколько отдельных батальонов. Две тысячи человек. Чемпионы сплошь, да студенты института физкультуры имени Лестгафта. Воевали – залюбуешься. А сейчас это просто никому не надо. Вот и берем наркоманов. Ибо брать больше и некого... никто в армию идти не хочет.

Саша встал и, подойдя к другому ящику, начал колдовать над примусом:

– Я обещал напоить тебя чаем...

– Не откажусь...

Олег, видя обилие в ящиках всевозможных медицинских инструментов и препаратов, спросил:

– У тебя здесь столько всего. Ты, наверное, можешь и операции делать?

– Ну, это, смотря какие, – Саша поставил на примус чайник. – Вот если, к примеру, тебе голову осколком срежет, но висеть на лоскуте кожи она останется, я могу сделать транспортную ампутацию... отрезать голову совсем, чтобы было удобнее везти тебя в госпиталь...

Саша хотел пошутить, но вдруг встретил перепуганный взгляд Нартова.

– Мне? Голову?

– Я пошутил, – успокоил Олега Саша. – Операции делать могу. Несложные, правда.

За стенкой палатки раздался зычный рык Романова, строившего личный состав срочной службы.

– Пошли, – Саша встал.

Из ящика он достал командирский фонарик. Через пять минут он уже ходил вдоль строя разведчиков, светя фонарем им в глаза и на руки. Через некоторое время он вывел из строя двоих, у которых бегали глаза, и тряслись руки.

– По вене ширял? – спросил одного из них Саша.

– Му... – неразборчиво отозвался тот.

– Деятель! – выругался Саша. – Сколько вколол?

– Наверно по два, – неопределенно отозвался второй.

– Где остальные шприцы? – спросил Романов.

– Здесь, – боец вытащил из кармана недостающие шприц-тюбики.

Саша забрал их, проверил и положил себе в карман.

– Трудотерапия вам до конца командировки обеспечена! – пообещал им командир. – Что с вами сделать?

Те не отвечали. Романов дал каждому по затрещине, и, пообещав с утра заставить их копать окопы, передал «преступников» «на воспитание» командиру роты Самойлову. Саша и Олег вернулись в палатку медслужбы. Кириллов сказал:

– В отряде шесть санинструкторов. Надо одного или двоих поселить здесь со мной. Заодно и охрана от этих уродов...

– Дельно, – кивнул Олег.

– Прошу к столу, – Саша достал печенье и кружки.

Олег снял с примуса чайник и поставил его на ящик, который играл роль стола. Нартов взял печенье и вприкуску начал пить горячий чай. Печенье он опускал в кружку – чтобы размокло. Размокшее печенье казалось немного вкуснее.

– Как дома, – улыбнулся Олег.

– Дома лучше.

– Ты женат? – спросил Олег.

– Да. Ребенок есть, второго ждем... а я здесь...

– Как она тебя отпустила? – Олег громко отхлебнул и поморщился. Обжегся.

– У нас в медпункте почти сплошь женщины. Неужели бы я позволил ехать им вместо себя?

– Я понял.

– Ира вот-вот родит, и я увижу крошку только через три месяца, – Саша мечтающее посмотрел куда-то сквозь Олега, потом встрепенулся: – Увижу, если меня здесь не грохнут...

– Да... – протянул Олег. – У тебя уже есть дети. Было бы обидно погибнуть здесь хрен знает за что, не оставив после себя никакого потомства...

– Было бы обидно, погибнуть здесь даже оставив потомство... – парировал Саша.

– Сколько здесь уже народу погибло! А за что? Интересно, кто-нибудь, когда-нибудь сможет толково объяснить, за что мы здесь воюем? Ради чего здесь идет война?

– Этот вопрос простые люди задают себе с начала времен... и всегда причина сводится к одной. Это обогащение. Чистая экономика. Обогащение одних за счет страданий и смертей других.

– Наверно, это так, – согласился Олег. – Но ведь из нашего руководства никто и никогда в этом не признается! Они будут придумывать массу разнообразных сказок типа патриотизма, воинского долга, защиты интересов Родины... я на войне всего несколько дней, но мне кажется, что я уже многое понял.

– Что? – Саша потянулся за чайником, чтобы долить в кружку кипятка.

– Не знаю, как ты это воспримешь, но мне кажется, что патриотизма как такового просто не существует. Его нет. Это миф, придуманный только для того, чтобы вдолбить его в головы народа и заставить этот народ воевать. И чтобы никто не посмел роптать, когда Родина будет посылать на смерть. И Родина мне кажется понятием совершенно абстрактным. Для меня Родина – это тот диван, на котором я спал, это тот двор, на котором я вырос. Это мой дом и моя семья. Вот что я должен защищать. А всю страну я Родиной назвать никак не могу. Что, Чечня для меня – Родина? Ничего подобного.

– Ну, в целом у тебя мысль правильная, – усмехнулся Саша. – Я примерно такого же мнения. Но в любом случае ты должен понимать, что даже такая непонятная война как эта имеет вполне конкретную цель.

– О чем ты?

– Вот о чем. Цель войны – это не только убийство людей. Цель войны – это, кроме того, еще и убийство, вдумайся, убийство убийц. Если сейчас мы не покончим с распоясавшимися, озверевшими от безнаказанности боевиками, то завтра они могут постучаться в твой дом. Сейчас Чечня – это осиное гнездо международного терроризма, откуда осы-убийцы разлетаются по всему миру. Мало накрыть гнездо колпаком. Его нужно еще и раздавить. Раздавить так, чтобы ни одна оса не выжила. Вот именно этим мы сейчас здесь и занимаемся.

– Но сколько здесь гибнет мирного населения! Осколок авиабомбы не разделяет людей на хороших или плохих. Бомба просто убивает все живое. Просто убивает.

– Ну, видимо, нет больше способа достижения этой цели. А невинные жертвы были всегда. Я, конечно, не призываю с этим мириться, но это есть и с этим трудно не согласиться...

– Не нужно было разводить это гнездо. Или нужно было раздавить его еще тогда, в первую войну...

– Упущенного не воротишь. Можно только исправить. Да и то, не всегда...

Крошки печенья сыпались на брезентовый пол палатки. Олег опустил голову и смотрел на эти крошки.

– Олег, это – Кавказ. Тут уважают только силу. Полгода войны уже показали многим боевикам, что на этот раз с ними никто в перемирия играть не собирается. Что их давят, давят и давят. Руку даю на отсечение, что большинство боевиков уже сейчас готовы сложить оружие, и попытаться жить мирной жизнью. Другое дело, что сейчас они ничего, кроме как стрелять, не умеют. Но это их проблемы. Если не хочешь учиться жить по нормальному – тогда прими смерть от федеральных сил. Но, думаю, найдется среди них сильный лидер, который сможет объяснить всем свою позицию, объединить чеченский народ для борьбы с терроризмом. И тогда война пойдет на спад.

Олег подлил в свою кружку кипятка. Снаружи послышались шаги, и в палатку вошел Романов. Саша и Олег начали, было подниматься, но тот махнул рукой, чтобы не вставали.

– Чаю? – спросил Кириллов.

– Наливай.

Романов устало сел на ящик и расстегнул бушлат. Саша, наливая в кружку кипятка, начал нахваливать свой чай:

– Черный. Индийский...

– Замучили срочники! – вдруг сказал Романов. – Что ни день, так с ними обязательно что-нибудь, да происходит. Ну, не убивать же! Но и слов некоторые не понимают... надо гауптвахту сделать для особо отличившихся. – Романов взял в руки кружку и отхлебнул добрую половину. Потянулся за печеньем, не достал: – Ну, давай сюда, не дотягиваюсь...

Олег придвинул командиру пачку. Романов принялся:

– Ты уже выпил? Когда успел? Думал, что показалось, когда вошел...

– Да так, с парнями...

Олег подумал, что Романов начнет сейчас допытываться с кем именно он пил, но командир вместо этого сказал:

– Если завтра намечается боевой выход, то пить с вечера не надо. Мне нужны здоровые бойцы, а не такие, у которых болит с перепоею голова.

– Больше не буду.

– Смотри. В следующий раз накажу.

– А что завтра делать будем? – Олегу не терпелось узнать, что будет завтра.

– Увидишь.

Олег подумал, что спрашивать больше ничего не надо. Если надо, командир сам все расскажет. Романов провел ладонью по щеке Нартова:

– Что-то борода у тебя плохо растет.

– Тут я не при чем...

– Да я тебя и не виню, – Романов рассмеялся. – Просто я думал, что у тебя борода, как борода... а у тебя ни черта нет...

– Это плохо для вашего плана? – с участием спросил Олег.

– Не особенно... – Романов утратил к Нартову интерес и повернулся к врачу: – Когда твоя жена рожать будет?

– Это одному Богу известно. На днях срок выходит...

– Я тебе разговор с женой по связи через спутник попробую устроить. Если получится...

– Спасибо, – Саша кивнул. – Пусть в начале родит.

– Ну, думаю, что за это беспокоиться не надо...

Саша улыбнулся в ответ. Романов снова повернулся к Олегу:

– Как Мишин? Проблем не строит?

– Нормально.

– А что у тебя с ним произошло?

– Да так. Стал уверять меня, что я «пиджак» и от этого плохой специалист...

– Пусть вспомнит, что в нашей армии сейчас начальником Генерального Штаба генерал Квашнин. А он, между прочим, тоже – «пиджак»...

– Я ему это передам...

Романов встал:

– Спасибо за чай. Пойду. Нартов, долго тут не сиди...

– Понял, Юрий Борисович, долго сидеть не буду...

Когда командир вышел, Кириллов сказал:

– Когда в бригаде узнали, что предстоит поездка на войну, народ начал «косить» все как один. Никто не хотел ехать в Чечню. Все хорошо помнили, как нас по-свински кинули в первую войну. Но как только узнали, что командиром отряда поедет Романов, не то, чтобы отказников не было, мест не хватало, и народ на спичках тянул, кому ехать...

У Олега забулькало в животе. Он решил, что пора идти. Встал:

– Ладно, я пойду.

– Пошли, посмотрим на героев, – предложил Саша.

Вдвоем они прошли к расположению роты Самойлова. Дежурный по роте свернулся возле прогоревшей печки и проспал появление двух офицеров. Саша несильно ткнул его ботинком в бок:

– Вставай, преступник...

Солдат подскочил.

– Где наши бандерлоги?

Разведчик понял, кто именно интересуется начальника медицинской службы, и указал в угол палатки:

– Крайние двое...

Один «наркоман» спал, едва дыша, второй сидел на нарах, низко опустив голову. Его время от времени рвало в цинковую коробку от выстрелов к автоматическому гранатомету.

– Тошнит? – спросил Саша.

– Угу, – отозвался боец.

– Будешь знать, когда нужно колоть эту гадость, а когда нет...

Врач проверил у солдата пульс.

– Ладно, жить будешь. Пусть это послужит тебе уроком на будущее, – Саша развернулся и сказал Олегу: – Пошли. Все нормально. Не сдохнут. Если сдохнут, напишем, что погибли смертью героев в боях за Родину...

Олег сплюнул в сердцах. Если бойцы действительно бы умерли, то считались бы погибшими при исполнении воинского долга...

В палатке службы ракетно-артиллерийского и инженерного вооружения еще сидел капитан Красильников, заполняя при тусклом свете лампочки какой-то журнал.

– Мне Романов приказал вооружиться, – вместо приветствия сказал Олег.

– А именно?

– Автомат, пистолет, патроны, гранаты...

– Держи, – Красильников протянул Олегу автомат. – Сейчас найду пистолет. Тебе какой?

– Конкретных указаний на этот счет не было.

– Тогда держи вот этот.

Капитан передал Олегу пистолет с непомерно длинным и толстым стволом. Олег понял, что это бесшумный пистолет. Так же он взял четыре магазина к автомату и запасную обойму к пистолету. Патроны к пистолету Красильников выдал сразу. Олег расписался в журнале получения оружия.

– Нож нужен? – спросил капитан.

– Если не жалко...

– Не жалко. У меня их валом. На, держи.

Олег взял в руки нож. Это был не обычный нож, а нож разведчика со стреляющим устройством в рукоятке.

– Как им пользоваться? Я, к своему стыду, этого не знаю...

– Легко, – капитан показал, как заряжается нож, как взводится спусковой механизм, и как производится выстрел. – Усвоил?

– Вполне.

– Выстрел тут тоже без звука.

– Я понял.

Олег вложил пистолет и нож за пазуху, повесил автомат на плечо и пошел в свой блиндаж. Там Мишин, Данилов и Иванов, к великому удивлению Олега, играли в карты. Один из контрактников, Костя, чистил снайперскую винтовку. Лунин спал пьяный.

– Это что? – спросил Мишин, увидев, как Олег вывалил всю грудку оружия на свои нары.

– Завтра выход.

– И тебя берут? Странно... ни за что бы, ни поверил...

– Ну и флаг тебе в руки...

Олег завалился на нары, уложив автомат и все остальное под себя. Игроки громко кричали, когда у кого-то удавалось выиграть, и мешали уснуть. Но все же сон скоро сморил Олега и он не заметил, как впал в небытие...

Под утро в блиндаж спустился дневальный и тихо позвал:

– Товарищ капитан Иванов. Время...

Глеб подскочил и гаркнул на весь блиндаж:

– Подъем, разведка!

Мужики зашевелились, начали подниматься. Глеб показал Олегу как нужно одеваться, чтобы и не мерзнуть и не потеть. Олег надел на тельник свитер, на него разгрузочный жилет и только сверху накинул бушлат. Бушлат, в случае чего всегда можно быстро скинуть и работать в более «активном режиме». По совету Лунина бесшумный пистолет Олег спрятал под разгрузку, нож вложил в один из карманов разгрузки. Так же в разгрузку он вложил фляжку с водой и зажигалку.

– Пошли получать боекомплект... – сказал Глеб, осмотрев Лунина, Данилова, Нартова, Мишина и контрактников.

Олег посмотрел на часы. Дневальный поднял их на полчаса раньше положенного срока. Олег понял, что это сделано специально, чтобы командиры поднялись раньше своих солдат и имели возможность проконтролировать общий подъем.

Красильников выдал Олегу шестьсот патронов к автомату, еще шестнадцать к пистолету, два патрона к ножу и четыре ручные осколочные гранаты. Так же Олег получил две дымовые пашки и две сигнальные ракеты красного и зеленого цвета. Все это он уложил в снятый бушлат и пошел в штабную палатку.

В палатке находился дежурный по отряду, начальник штаба и радист, который по обыкновению уткнулся в стол.

– Разрешите? – спросил Олег, входя.

– Заходи, – кивнул Шумов. – Готов?

– Магазины только снарядить... – отозвался Олег, и, положив бушлат на стол, развернул его.

Так как у него было только четыре магазина к автомату, пришлось подумать, куда уложить остальные четыреста восемьдесят патронов. Все оказалось проще простого. Шумов усмехнулся незадачливости Нартова и подсказал:

– А рюкзак тебе для чего выдан?

Олег побежал за своим рюкзаком. Быстро вытряхнув содержимое рюкзака под спальный мешок, он вернулся в палатку. Еще через пять минут Олег уже стоял на плацу, где собирались подразделения, выходящие на боевую задачу.

Суеты никакой не было. Иванов выстроил три группы своей роты и начал проводить осмотр. В это же время несколько человек под руководством Мишина принесли ящики с боеприпасами. Разведчики деловито и сноровисто набивали патронами автоматные магазины, получали осколочные и реактивные гранаты, взрывчатку и средства взрывания. Кириллов раздал санинструкторам промедол и пару флаконов кровезаменителя. Радисты проверяли аккумуляторные батареи для своих мощных радиостанций. Олег уже знал, что живучесть разведгруппы определяется не только наличием мощного оружия в самой группе, но и возможностью в любой момент связаться с базой и запросить помощи артиллерией или авиацией...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.